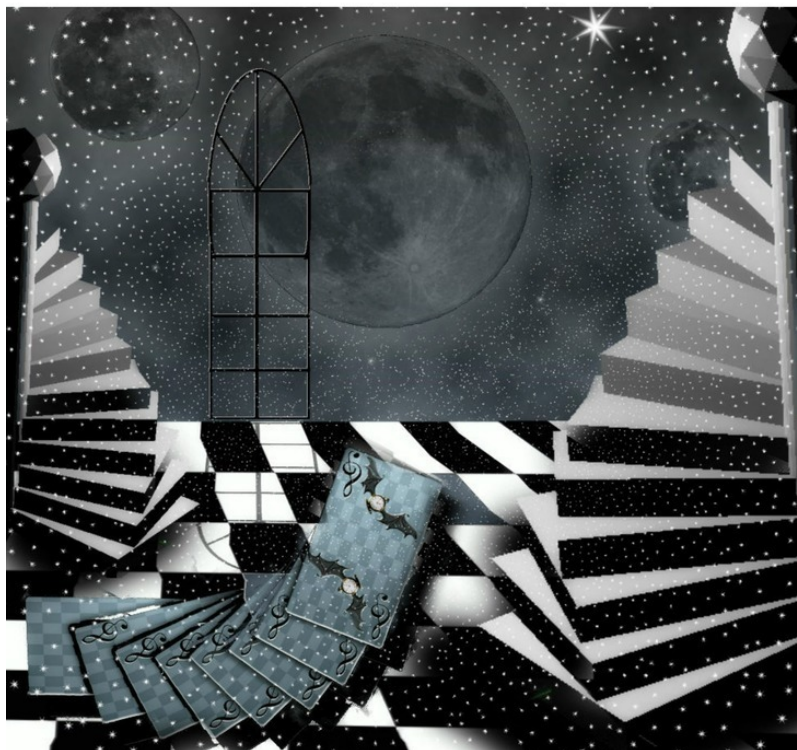

Мария Фомальгаут
Сумка с истиной

Мария Владимировна Фомальгаут

Сумка с истиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18149807

ISBN 9785447469467

Аннотация

Пожалуйста, поверните налево. В этом зале вашему вниманию представлена картина «Граф Дракула». Будьте осторожны, не рекомендуется находиться рядом с картиной дольше трех минут: научно доказано, что картина пьет кровь своих зрителей. Пожалуйста, поднимитесь по винтовой лестнице и поверните налево. Здесь вашему вниманию представлено величественное полотно «Принцесса-лебедь». Даже не пытайтесь найти на картине саму принцессу: она давным-давно улетела в тёплые страны с другими лебедями.

Содержание

Половина двадцать второго	5
Злой богач	20
Книга для людей	31
Добрые дела	36
Зеркальные сны	47
Семьсот рэ	51
Авэлин	61
Агентство слушает	73
Удачный сюжет	92
Как обойти друг друга	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Сумка с истиной

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Половина двадцать второго

Я дал ему хлеба.

Кому ему?

Не знаю. Я ничего про него не знаю, даже имени его не знаю.

Может, у него и нет имени никакого.

Хотя нет, так не бывает. Чтобы имени не было, у каждого хоть какое-нибудь захудалое имячко да и есть.

Хотя кто его знает.

Может, там имен и нет.

Там, у них.

Где у них?

Не знаю.

Короче, мне его стало жалко, и я дал ему хлеба. Хлеб нес домой, проходил мимо этого, посмотрел в изможденное лицо, не выдержал, отдал булку. Я еще боялся, что не смогу я ему отдать булку, не дойдёт до него мой хлеб – нет, дошел, упал ему в руки, он еще кивнул благодарно, улыбнулся...

Так что домой я пошел без хлеба. Ладно, не до хлеба сейчас, ни до кого, ни до чего, если завтра установку не запустим, уже не знаю, что со мной будет, да ничего со мной не будет, дальше будем работать, куда мы денемся...

Смотрю на дракона, отступаю от оскаленной пасти, повто-

ряю про себя – так не бывает.

Как будто от того, что я говорю, так действительно не будет. А вот нет же, а вот будет, и еще как.

Думаю, кинуться сразу прочь из комнаты или подождать. Чего подождать. Ну мало ли. Может, розыгрыш какой-нибудь. Или испытание какое. Или еще что...

– Испугались?

Вздрагиваю. Смотрю на хозяина, ну по крайней мере, мне кажется, что это хозяин, кому еще быть, как не хозяин, кому еще здесь быть, как не хозяину.

– Есть маленько...

– Ничего, ничего... не достанет он вас.

Дракон выпускает столб огня, не успеваю отскочить, сгореть тоже не успеваю, стою в огне, не горю, что за черт...

Осторожно спрашиваю:

– Не... ненастоящий?

Хозяин прищуривается:

– Самый что ни на есть настоящий.

– Тогда... тогда как?

– Пойдемте... покажу вам, что и как.

Иду посмотреть, что и как.

Сегодня я его снова увидел.

Правда, он был далеко, я не смог быть дать ему хлеба или еще чего-нибудь. Нет, далеко не в смысле расстояния, а в смысле... как это сказать... в общем, далеко. В общем,

иногда он бывает близко к нашему миру, а иногда далеко.
Как-то так.

Надо будет с этим разобраться.

Тогда, может, и установка заработает.

– Смотрите.

Смотрю.

– Не бойтесь, не бойтесь, подойдите поближе, что вы там
встали...

Подхожу. Боюсь. Сколько живу, столько боюсь всяких
стекляшек, как бы не уронить, как бы не разбить, так и вижу
уже мысленно россыпью осколки на полу...

– Да что вы на них так смотрите, хоть бы в руки взяли...
не бойтесь, не укусят. Или расколотить боитесь? Тоже
не бойтесь, не бьются они...

Осторожно беру в руки шар, который кажется стеклянным.

– Цифру видите?

– Не...

– А что видите?

– Два икса...

– Эх вы, это и есть цифра.

– А-а-а, двадцать.

– Верно, двадцать. И что это значит?

– Э-э-э... век?

– Правильно говорите, век... двадцатый.

– Дела давно минувших дней...

– Ну.

– Это все века?

– Они самые. Вы посмотрите, посмотрите, поперебирайте, может, еще чего увидите...

Смотрю. Перебираю. Шары кажутся невесомыми, боюсь выпустить из рук, чтобы не вспорхнули к потолку...

– Так-таки ничего не заметили?

Чувствую, мой начальник начинает во мне разочаровываться. Это плохо, это не надо, чтобы он разочаровывался...

Хлопаю себя по лбу.

– Заметил. Два тринадцатых.

– Верно.

– Копия? Ошибка?

– А вы присмотритесь повнимательнее...

Присматриваюсь. Повнимательнее. Зачем-то принохиваюсь, тут же брезгливо отодвигаюсь. В лицо ударяет что-то смрадное, затхлое, пропахшее копотью и нечистотами, да-а-а, хорошенькую парфюмерную фабрику у себя хозяин держит...

– А вы следующий понюхайте...

– Да спасибо, нанюхался уже...

– А вы понюхайте, понюхайте, не стесняйтесь...

Не стесняюсь. Нюхаю. Нюхаю еще раз, жадно вдыхаю сладковатый аромат.

Хозяин снова прищуривается:

– Что скажете?

– Они... они пахнут по-разному.

– Верно. А как вы это объясните?

– Ну... вот этот... который приятно так пахнет... он какой-то... рафинированный, что ли... ненастоящий...

– Верно говорите. Ненастоящий. Тринадцатый век, каким его представляли спустя много веков. Замки, рыцари, драконы... корни мандрагоры на перекрестке в полнолуние...

Перебираю остальные века. Попарно. Попарно. Попарно. Кое-где принохиваюсь, хозяин кидается ко мне, хочет вырвать шар двадцатого века из рук, не успевает, я подношу шар близко к носу, в лицо ударяет что-то едкое, жгучее, удушающее...

Черт...

– Вы поосторожнее... – хозяин тащит меня к окну, открывает рамы, поток ледяного воздуха врывается в комнату, – сейчас бы иприту надышались, или еще чего похуже, посмотрел бы я на вас... о-ох, горюшко вы мое, вас теперь хоть с дозиметром проверяй... Ну что вы, не бойтесь, не бойтесь, проехали... дальше смотрите.

Смотрю дальше. Двадцать первый век. Такой и такой. Век космических поселений и век тотальных войн. Почему-то думаю, что двадцать второго века нет, он же еще не закончился.

Нет. Есть. Вот он, покоится на полке, сияет голубоватым светом неземных городов и порталов в иные измерения. Ка-

кие-то мечты каких-то поколений...

Ищу настоящий двадцать второй век, вижу половинку шара. Только половинку. Прошибает запоздалый страх, а-а-а, неужели я разбил...

Нет.

Не я.

Двадцать второй век доходит до пятидесятого года и обрывается.

Спрашиваю:

– А почему на пятидесятом обрывается? Сейчас вроде тридцать третий...

– А потому что после пятидесятого не будет ничего.

Давлюсь собственным голосом.

– К-как не будет?

– Так. Не будет. И все.

Холодеют руки. И вроде давно уже чувствовал, что рано или поздно будет все, только не ожидал, что так быстро, что вот прямо через каких-то семнадцать лет...

– А вымышленный почему целый?

– А что ему сделается?

Киваю. Тоже правда, что ему сделается...

Сегодня он не пришел. Даже обидно, что он не пришел, я ему мясо принес, и масло, и много еще чего, а его не было. Молоко принес, у них же там радиация зашкаливает после войны. Самое обидное – я посмотрел в завтрашний день,

увидел, что он придет завтра, изможденный, голодный, будет ждать меня. Только завтра миры разойдутся слишком далеко, и я ему ничего передать не смогу.

Я так и не знаю, кто он.

В дверь звонят.

Хозяин открывает.

Молодой парень мнетя на пороге.

– А мне бы это... про средневековье что-нибудь.

– А вот, пожалуйста, – хозяин протягивает ему сияющий шар, – приятно провести время.

– Большое спасибо.

На душе теплеет, помнит еще кто-то про наше хранилище, помнит, хоть единицы, да ходят сюда, хотя со стороны кажется, мы вообще никому не нужны, люди думают, как с голоду не сдохнуть...

Парень уходит. Хозяин поворачивается ко мне.

– Ничего не заметил?

Отчаянно вспоминаю, во что парень был одет – не помню.

– А... что?

– А то. Сколько человек сегодня пришли?

– Четверо, вроде... нет, пятеро.

– А что они брали?

– Так это... про средневековье все... про прошлое...

– Тоже верно. А про будущее кто-нибудь что-нибудь просил?

– Не... нет.

– Вот именно. Не нужно людям будущее... не нужно...

– Да кому оно такое нужно...

– Вот еще один туда же... видишь... – хозяин поднимает половинку шара, – если это погибнет к чертям, хоть этот останется... – бледная рука хозяина поднимает второй шар двадцать второго века, – я вижу, у тебя мозги как надо вставлены, тебе, я вижу, будущее интересно...

– Есть маленько.

– Вот. Ты и будешь дальше сочинять. Как оно там будет. в двадцать втором веке.

– Я?

– Ты.

– Да я как-то...

– Нечего, нечего мне тут. Как в стол писать, так это мы можем, а как чего хорошее сделать, так боимся...

– Как-то так...

– А нечего бояться... так и всю жизнь пробояться можно...

Сегодня я его встретил.

На перекрестке.

У меня как назло с собой только мясо было.

Перелистываю страницы.

– А это кто до меня писал?

– А это до вас тут автор один был.

– А с ним что случилось?

– Умер, что...

Меня передергивает.

– От... от чего умер?

– От старости, от чего... не бойтесь, никто его не грохнул, что вы побледнели так сразу...

Спрашиваю еще кое-что, что хотел спросить давно.

– А как они в наш мир всякое передают?

– Какое всякое?

– Ну... мне тут один человек хлеб передавал...

Хозяин не понимает.

– К-какой человек? Какой хлеб?

– Ну... он на работу шел... и мне то хлеба подбросит, то еще чего... оттуда...

– Что вы чушь несете, где это видано, чтобы оттуда передавали что-то.

Хочу сказать – я же видел.

Не говорю.

Сегодня я принес ему кофе. И сухие сливки.

И решил показать ему кое-что.

В его же хранилище...

Понимаю, он мне что-то показать хочет, важное что-то. Иду за ним, натыкаюсь на запертую дверь.

Мне становится не по себе.

– А... мне хозяин... не разрешит... наверное...

Он снова настойчиво показывает на дверь.

Ищу по ключницам ключ, должен же быть, должен... вот он, родимый.

Поворачиваю в замке.

Открываю.

Стеллажи, стеллажи, стеллажи. Шары, шары, шары. Поменьше и поблекче тех, вековых, но все равно видимые, осязаемые. Сначала думаю, что вижу перед собой года, тут же спохватываюсь, нет, не года, тут другое что-то...

Ну да.

Другое.

Имена, имена, имена. Дата рождения, дата смерти. Люди, люди, люди. Нахожу шар покойной матери. Почему-то долго держу в руке.

Перебираю людей, людей, людей. Ищу собственный шар, от волнения не сразу понимаю, что шары лежат не по годам, а по алфавиту. Наконец, выискиваю свой шар. Смотрю, не понимаю, как дата смерти, откуда дата смерти, я же еще не...

А вот.

Дата смерти.

Завтра.

– А почему...

Оборачиваюсь, хочу спросить своего спутника, понимаю,

что спрашивать некого.

Он ушел.

Спрашиваю себя, зачем я показал ему это.

Понимаю, что не знаю.

От слова совсем.

– Спать иди, сколько писать-то можно...

Это хозяин. Недоумеваает, почему я спать не иду, почему сижу допоздна, время уже за два часа ночи перевалило...

– Да... надо писать... пока пишется...

– Чего пока пишется, ты мне живой-здоровый нужен... пишется ему...

– Да я еще немного...

Хозяин пожимает плечами, идет в сторону спальни. Схватывается, возвращается, закрывает стеллажи на ключ, не доверяет мне, ой, не доверяет...

Растираю виски.

Заставляю себя писать.

Не могу же я сказать хозяину, что мне осталось... всего-ничего...

Главный выслушивает меня, коротко кивает.

– Вы с ума сошли.

Я знал, что главный так скажет. На то он и главный инженер, чтобы всякие тут не ходили и дурака не валяли, ишь

чего я выдумал, переходник миров ему подавай...

Осторожно говорю:

– Понимаете... это очень важно.

– Это невозможно, – главный инженер смотрит на меня ледяным взглядом, – мы эту установку не для того пять лет собирали, чтобы за пять минут к чертям полетела...

– Мне очень нужно... человека одного из другого мира выволить нужно, понимаете?

– И что?

Понимаю, что не смогу объяснить, почему это так важно, очень важно, вытащить человека, одного-единственного человека, которого сегодня убьют...

– Да мне и нужно только-то...

И опять не могу объяснить, что нужно только-то, дождаться, пока сегодня два мира подойдут, близко-близко, и открыть переход между мирами, на какие-то несколько секунд открыть, человека одного вытащить, и тут же захлопнуть, всего-ничего...

Они не поймут.

Не поймут, как это важно.

Да я и сам не понимаю. Почему это так важно. Забрать человека. Потому что я ему хлеб носил. Не поэтому. Не знаю, почему...

– Да нету здесь хлеба, нету!

Мой хозяин бросается к окну, только что разбитому кам-

нем, падает с простреленной головой, вот чер-р-р-р-т...

А ведь не отстанут, сволочи, а ведь атакуют, сволочи, черта с два до них дойдет, что нечего здесь жрать, в хранилище, сами мы здесь третий день похлебку из ботвы жрем...

Еще думаю, куда бежать, если окружен, понимаю, что никуда я не побегу, что вот оно, всё случится, как шар обещал...

Отчаянно дописываю последний абзац, как собирают переходник между мирами, как переходят из вселенной во вселенную, – до бесконечности...

Озверевшая толпа врывается в хранилище, еле успеваю вложить листок в шар с двадцать вторым веком. Кто-то прижимает мне нож к горлу, орет в лицо, жрачка где, сука, а если найдем, еще показываю жестами, что нет у меня никакой жрачки, нет...

– Немедленно отключите установку.

Это главный говорит. Не главный инженер, нет, а просто главный. Который над всеми главный. То есть, много их там, главных, а это один из них...

Итак.

– Немедленно отключите установку.

Не отключаю.

Знаю, что должен отключить.

Не отключаю.

Миры подходят близко, до неприличного близко, вот-вот-

вот, еще-еще-еще, я вижу его, я касаюсь его кожи, я чувствую его дыхание, нервное, неровное, прерывистое, я слышу крики окруживших его головорезов...

Открываю портал.

Хватаю его за руку. Волоку за собой, скорее, скорее, чтобы не завис между двумя мирами.

Установка выключается с оглушительным скрежетом, давится сама собой, умирает.

Черт.

И еще тысячу раз – черт.

Вспоминаю про него (не знаю его имени, ничего про него не знаю), наклоняюсь, смотрю на спасенного, а где он, а почему нет, а должен быть, должен, должен, просто обязан, миллион раз уже проверяли, и на крысах, и на кроликах, и на всех, на всех, на всех...

Главный подходит ко мне. Говорю, сам пугаюсь своего голоса:

– Он... где он?

– Ты бы до конца дослушал... зря, что ли, сказали тебе, не включай...

Запускаю пальцы в волосы.

– Но что... что пошло не так?

– А ты в лицо его внимательно смотрел?

– Да нет как-то.

– Оно и заметно.

– Изможденное лицо...

– Так ты его не узнал?

Срываюсь на крик:

– Да как я его узнать мог, если я его не знаю?

– Знаешь...

Отчаянно вспоминаю его лицо. Начинаю понимать, что и правда знаю.

Осторожно говорю:

– А правда, интересно получается, почему человек никогда сам себя не узнает... на фотографиях вот тоже, в газете на снимки смотрю, себя ищу, и нету...

Главный кивает мне.

– Бывает.

Спохватываюсь.

– Установка...

– Ничего, ничего, исправите... вы... все... с вашими-то мозгами...

Отворачиваюсь.

До крови закусываю кулак.

2016 г.

Злой богач

– Тут понимаете, какое дело...

Замолкает. Киваю, говорите, говорите, не стесняйтесь.

Мысленно про себя добавляю, я к вам в голову не залезу и сны ваши дурные оттуда не вытащу, или что там...

– Понимаете... я одного злодея в прошлом оставил.

– Вот это вы правильно, злодеев надо в пролом оставлять, за собой в памяти не тащить...

– Нет-нет, вы не поняли, – машет руками, – тут другое.

Понимаете... я... в детстве всяких героев себе придумывал... дружил с ними...

– А со сверстниками как?

– Ка-акие сверстники, отец по всей стране мотался, нынче здесь, завтра там, я и познакомиться не успевал ни с кем.

– Вот оно что...

– Вот были у меня там друзья всякие... воображаемые... обезьяна, помню, была...

– Вы с ней по южным островам плавали...

– Да нет. Просто обезьяна. И вот был там один богач... злой богач. Ну, это я так придумал – злой богач. Потому что в мире же не может быть только добро, там еще и зло должно быть?

– Ну... сложный вопрос. Я бы специально зло создавать не стал... Добрых людей вместе посели, так между ними то-

же конфликты начнутся... одному нужно все скорей-скорей, а другой медлительный... один весь на эмоциях, а другой замкнутый, слова не выжмешь...

– Ну, это да, только в детстве-то таких тонкостей не знаешь, там или белое, или черное, или плюс, или минус, или да, или нет. Ну вот, был богач. Злой богач. Ну... злой, потому, что злой. Он не виноват, что он злой, это я его таким выдумал. Он у меня в шезлонге лежал... на берегу океана... среди пальм... ну правильно, в фантазиях ребенка что еще богачу делать, только в шезлонге лежать.

– Он вас преследует? Сейчас?

– Не-е, что вы... тут другое. И понимаете... приближался новый год... елка, праздник, жду подарков, билеты там какие-то на елку какую-то во дворце каком-то, фигню там какую-то показывали...

– Богач вам праздник испортил?

– Да нет, не то... и понимаете... есть такое, что в новый год все плохое нужно в старом году оставлять.

– И вы решили оставить...

– ...злого богача. Я там придумал всякое... пароход такой большой... на него все мои друзья сели... в новый год отплыть. Вещи собирали, под конец там зайчиха какая-то зайчонка своего потеряла, искала везде... И вот часы бьют двенадцать... стол праздничный, ёлка, счастье такое... безоблачное... только в детстве такое счастье бывает... И вот мы на корабле в новый год отплыли. Знаете, хорошо так, поужи-

нали, я спать ложусь, кровать в такт волнам покачивается...

– Да, я тоже так мечтал... только богача у меня не было.

– А у меня богач в старом году остался. Потому что плохой. Понимаете?

– Понимаю. Так что же... Что же вы хотите?

– Понимаете... вот недавно среди ночи проснулся... и богача этого вспомнил...

Хочу спросить, и что же богач, явился из прошлого, что ли. Тут же спохватываюсь, я же это уже спрашивал, он сказал, нет...

– Тогда что же...

– Так видите... стыдно мне стало.

– За что стыдно?

– Ну как же. Так с человеком поступил.

– Он же злой.

– Ну, это же я его злым сделал. То есть, я виноват.

– И что вы...

– Вот я и решил... вернуться туда мне надо.

– Куда туда?

– В тот год. В тот старый год. Я даже вспомнил. Девяносто второй. И... забрать этого богача, что ли... с собой. Если он еще жив... А вы не знаете, воображаемые... долго живут?

– Да хоть сколько... пока человек жив, пока про них помнит, они живут. Можете хоть по двадцать лет не вспоминать, потом подумаете – и друг ваш оживет. А то и после смерти человека остаются тульпы эти... вымышленные. Если чело-

век про них в книге напишет или нарисует...

– Так почему он ко мне не явился?

– Так вы его сами в прошлом оставили, как он явится-то?

Это вам туда за ним идти надо...

– Ну да, я, собственно, за этим...

– Ой, сложное дело... понимаете, чтобы в прошлое вас ввести, это вас даже не в гипноз надо, это вас...

– Да нет, в прошлое-то я вернусь... не впервой...

– Да вы что?

– А вы что думали, в Хронотавре зря, что ли, работаю...

Вскакиваю, вытягиваюсь в струнку.

– Отставить, отставить, что вы... что вы на нас... как на богов каких-то смотрите.

Не выдерживаю:

– Так что же вы от меня хотите?

– Ну как что... вот приду я к нему... что я ему скажу? Вот вы бы мне как психолог помогли бы. Подход к нему найти. Он же меня увидит, он меня вообще застрелит к черту.

– А у него что, оружие есть?

– Да как у богача оружия нет? Вот он меня и пристрелит...

– Ну, он вас пристрелит, так вообще из старого года не выберется.

– Да кто его знает, он там озверел, поди...

– Гхм... а вы вот что сделайте... **ВЫ** бронжилет наденьте на всякий случай... И вот что. Скажете ему, что у вас к нему деловое предложение есть. Дело на полтора милли-

арда, не меньше. Скрабдайвинг.

– Чего?

– Скажете, скрабдайвинг.

– А это что?

– Ничего. Только что придумал. Неважно, главное, чтобы прозвучало красиво, он и клюнет...

– Думаете, прокатит?

– Да ничего я не думаю, я только совет могу дать. А решать вам. И риски оценивать тоже вам...

Он бледнеет.

– Это должны сделать вы. Только вы. Один. Вот вы меня сейчас просить начнете, чтобы я с вами пошел... так вот, не могу я с вами. Это только вы один можете сделать...

– Боязно.

– Ну... не делайте.

– Тогда всю жизнь совесть мучить будет...

– Ну... ничем не могу помочь... думайте...

– Х-хорошо... я... подумаю.

– Вот что. Вы мне телефончик свой дайте...

Он невозмутимо вынимает смартфон, кладет мне на стол.

– Да не-ет, вы это... номер свой.

– А, да, конечно.

– Вернетесь, позвоните мне. Если через три дня не позвоните, я вас сам наберу.

Он вздрагивает:

– Три дня? Да за три дня от меня там живого ме...

– Хорошо. Через сутки.

– Многонько.

– Ничего не многонько. Пока то, пока это... держитесь, всё хорошо будет. Удачи.

Набираю номер.

Уже понимаю, что мне никто не ответит.

– Алло?

Вздрагиваю. Только звонков с того света мне не хватало.

– Вы... вы позвонить обещали.

– Извините, запарился совсем...

– Ну что там?

– Да что, что... похоже, у него я остаюсь.

– А... а что такое? П-постояйте, вам удобно говорить сейчас?

– Да, конечно.

– Он... не отпускает вас?

– Да нет... Я... у него останусь. Хорошо у него тут... он же недаром богатый человек, богатый человек знает, как обустроиться... у него тут рай на земле... остров свой... вилла... бассейн...

Начинаю сомневаться:

– И что, и зла на вас не держит?

– Да какое зло, говорю же вам, у него тут в шоколаде всё!

Он уже и не знает, как меня благодарить...

– Очень рад за вас.

– А то заезжайте как-нибудь.

– А-а-а, с-спасибо... как-нибудь заеду...

Холодеет спина.

Еще раз смотрю на протянутое мне удостоверение, еще думаю, липовое, или настоящее, и что будет хуже, настоящее или липовое.

Еле выжимаю из себя:

– Э-э-э... здрассте.

– День добрый. Мы по поводу пациента вашего... который ушел и не вернулся.

– А, так он в прошлом остался.

– К-как остался?

– Ну... там одна тульпа его...

– Одна его что?

– Друг его один... воображаемый... вот он его в прошлое пригласил.

– А вы откуда знаете?

– Он мне сказал.

– Кто?

Начинаю злиться.

– Пациент мой, кто...

– Он вам лично сказал?

– По телефону.

– Вы его слова проверяли?

Теряю почву под ногами.

– А что... надо было?

– А вы как думали... это вы всех пациентов так лечите, вернулся, хорошо, не вернулся, туда ему и дорога?

– Я проверю... проверю... обязательно...

Начинаю понимать, что дело нештучное.

– Я... по поводу пациента моего...

Лейтенант смотрит на меня, сверлит взглядом.

– Вы проверили?

– Э-э-э... мне очень жаль...

– Что-то случилось с ним?

– Да что... я там был... в прошлом его... на вилле этой.

– И?

– И. Нету там никого. Ни того, ни этого. Пустой дом... и...

– И что?

– И... и кровь на полу.

– Да вы что?

– Ну... вхожу, там холл такой богатый... и кровь на ков-
рике.

– Черт... образец крови принести не догадались?

– Вот... коврик принес...

– Молодец, догадались...

– Ну что я могу сказать... кровь-то этого... пациента ва-
шего.

Киваю.

– Убит.

– Убит.

– Это... это я недоглядел.

– Ну... отчасти и ваша вина тоже, да.

Сглатываю.

– Меня теперь... посадят?

– А вы хотите сесть?

– Да не знаю я... как там по закону положено...

– По закону штраф положено. Полторы тыщи за недобросовестное выполнение служебных обязанностей.

Вынимаю банкноты.

– Чш, куда вы мне их суете, вон, в кассу идите, а то еще подумают, что вы мне взятку сунули... да, и вот еще что... а чего там ваша кровь делала?

– В смысле?

– Ну, в лаборатории сказали, там еще ваша кровушка была.

– А-а-а, руку порезал... там у него в зале доспехи рыцарские, я на копьё напоролся...

– Покажите.

– Как я вам их покажу, они же там, в прошлом... в несуществующем.

– Нет, рану свою покажите.

– Так рана тоже там осталась...

– А кровь, значит, на коврике пронесли?

– Кровь-то от меня отделилась уже.

– Ой, не понял ничего... ну да ладно... Всего вам хорошего.

– И вам того же.

Иду к кассе.

Расплачиваюсь.

Осторожно выхожу на улицу, оглядываюсь, вроде движение правостороннее, как было, так и осталось. А вон автобус, а на нем электронная строка бежит, а раньше маршрут просто на табличке писали. И рекламных щитов на остановках тоже не было. А вон человек в трубку говорит, как хорошо беспроводной телефон сделали, бешеные деньги стоит, не иначе... ничего, и я такой куплю, только освоюсь здесь... За двадцать три года тут вообще всё переменялось...

– Тут понимаете, какое дело...

Замолкает. Киваю, говорите, говорите, не стесняйтесь. Мысленно про себя добавляю, я к вам в голову не залезу и сны ваши дурные оттуда не вытащу, или что там...

– Понимаете... я не человек.

– И... кем вы себя ощущаете?

– Да никем я себя не ощущаю, я просто не человек. Правда не человек. Не сумасшедший какой-нибудь, который себя кактусом считает или бачком от унитаза... а правда не человек.

– И кто вы?

– Тульпа я.

– Быть не может, тульпы же бесплотные... а вы...

– А я у хозяина тело забрал.

– А вот это уже больше на правду похоже.

– Понимаете... двадцать лет назад это было... до сих пор забыть не могу... он же тогда вернулся у меня прощения попросить... исправить всё... что натворил... А я с ним вон что сделал...

Киваю. Надо дать пациенту разговориться.

– Так вот я думаю... это исправить можно?

– Да вы погодите, давайте все по порядку. Итак, вы тульпа...

– Мой создатель придумал, что я богатый... и злой...

2016 г.

Книга для людей

Киваю посетителю:

– Слушаю вас.

– Ну, видите... я хотел написать книжку...

– Это хорошо.

– Для людей.

– Вот как? Хорошее дело.

– Ну вот, я стал думать, что будет интересно людям. Сначала я стал выбирать главного героя. Надо же, чтобы герой читателям понравился, верно ведь? Поскольку книжка у меня для людей будет, я главным героем сделал человека.

– Логично.

– Ну вот... посмотрел я на людей... И придумал такого среднестатистического человека... лет тридцати. Внешность ему дал самую... заурядную такую. Ну так, чтобы не сильно уродливый, но и не красавец...

– Понятно.

– Потом я спросил себя, а где будет жить человек. Надо же ему где-то жить, верно?

– Верно.

– Тогда я выдумал человеку страну. Люди же в странах живут. Ну... обычную такую страну... время от времени кризисы, ну, лет восемь человек старается, что-то делает, зарплата у него растет, он только-только на широкую ногу

жить начинается, тут бац – и кризис, и фирма прогорит, и бац, все сначала начинай...

– Ну-ну...

– Что ну-ну?

– Да ничего. Продолжайте.

– Ну... войну я придумал. Не в этой стране, в другой, ну, эту страну она тоже затронет, война... Ну, терактов парочка там была, как без них в мире человеческом... Ему один раз повезло, парню этому, он на концерт собирался, а вечером у него температура под сорок, дома остался... а там в концертном зале взрыв...

– Ну-ну...

– Потом я подумал, с кем он будет жить. Ну, не бывает, чтобы человек один жил... Я ему жену придумал.

– Отлично.

– Ну, я придумал, что он два года с ней пожил, потом разошлись... рассорились... бывает так...

– Бывает.

– Ну вот. Придумал я ему... всё, как у людей... работа с девяти до шести, потом домой едет... сериалы смотрит... Но в книге же еще сюжет должен быть, верно?

– Ну, конечно же.

– Ну, вот я и придумал... очередной кризис... серьезный такой... и вот, фирма под угрозой, надо фирму спасти... и в течение суток герой должен свою фирму спасти.

– И что для этого нужно?

– А вот этого я еще не придумал... Ту понимаете, какое дело... Герой у меня... сбежал.

Мне кажется, я ослышался.

– Что ваш герой?

– Сбежал.

– Откуда... сбежал?

– Так из книжки, откуда...

– Ну, это неудивительно.

– В смысле?

– Ну... я бы на его месте тоже сбежал бы.

– Так вот... теперь... его вернуть как-то надо.

– Надо.

– Вот я к вам и пришел.... В полицию-то...

– Так вот оно что... приметы мне его сообщите, пожалуйста.

– Да какие приметы, говорю вам, ничем не примечательный, специально такого человека придумал... среднестатистического.

– Ну что вы так, хоть бы приметы какие-нибудь ему придумали... пятна там родимые, или глаза одного нет, или волосы рыжие...

– Да кто ж знал, что он сбежит-то?

– Ну ладно... постараемся найти... и то правда, какие там приметы, можно подумать, у нас в городе людей много... может, один этот и есть...

Посетитель уходит. Смотрю, как исчезает за дверью длин-

ный хвост.

Выжидаю.

Приоткрываю дверцу хранилища.

– Можете выходить.

Он выбирается – мелкий, ростом с половину меня, горячий, они как-то устроены, что с наступлением холодов не замерзают.

Оглядывается.

– Ушел он?

– Ушел, ушел... не бойтесь.

Смотрю на человека, замечаю, у человека каркас заострился, стал просвечивать через оболочку, это плохо, тает человек, тает, не хватает ему чего-то... надо будет поискать что-нибудь такое, что люди едят, знать бы еще, что они едят вообще...

Говорю:

– Я вам найду что-нибудь... поесть...

– Да ладно, я сам поищу...

– Какое сами, вам на улицу выходить нельзя, ищут вас... найдут, мало не покажется...

Человек бледнеет. Понимаю, думает, что с ним будет дальше, если вообще что-то будет.

– Попробую вас потом к людям отправить... в мир людей.

– А там все как... у людей?

Вздрагиваю.

– Или вы не знаете?

– Отчего же. Знаю... Ну как у вас в книжке, так и у людей.

На этот раз вздрагивает он.

– Да ну, быть не может... там ужас что делалось.

– И у людей ужас что делается.

– А почему они не сбегут?

– Откуда?

– Ну... оттуда... где черт знает что творится...

– Куда сбегут?

– Ну... сюда хотя бы... или еще куда... мало ли миров...

– Ой, не знаю...

Думаю, зачем я его спрятал. Думаю, вот что я вообще ввязался с человеком этим...

2016 г.

Добрые дела

Я уже решил, что я буду в жизни делать.

Меня вот вчера спрашивали, вот я сегодня решил.

Я буду делать добро.

Вот сейчас начнется, набегут тетушки-бабушки, а-а-а-а, это не рабо-о-о-та-а-а-а, ну конечно, за прилавком стоять, морковку вешать, вот это работа, такая работа, что всем работам работа, а добро делать, это так, срам один...

Но я решил.

Буду делать добро.

И никакие бабушки-тетушки мне не указ.

А? Не-е, не старушек через улицу водить, нет. То есть, старушку перевести, это дело хорошее. Или там кошечку бездомную накормить. Или ребенок плачет, утешить. Только я про другое добро говорю.

Даже вспомнил, как это называется. Посол доброй воли. Который ездит по свету и всем помогает.

Лекарства там развозит в бедные страны, продукты... школы строить, больницы, грамотность населения повышать. Вот так приеду в какую-нибудь Африку...

...нет, стоп, нет такой страны – Африка. Тогда уж конкретно надо страну назвать, вон училка говорила, хочешь чего-то – говори четко, чего хочешь.

Так вот. Чад. Вроде есть такое. Чад. Или это озеро. Да-

леко-далеко на озере Чад изысканный бродит жираф. Нет, страна, вроде, тоже есть. И вот прилетаю я в этот Чад, и детишки какие-нибудь меня встречают... а поодаль девочка стоит. Нет, не стоит, сидит, она стоять не может. У неё этот... как его... поли... оли... осе... мели... короче, есть такая болячка. А на лечение денег у неё нет. А я дам. Или просто отвезу её в больницу, чтобы ей помогли, а потом мы через много лет встречаемся, а она своими ногами по земле идет, смеется...

Как-то так.

Мне письма писать со всего мира будут. Добрый господин, моя дочь ослепла, спасите её пожалуйста. Уважаемый, в наших краях хотят вырубить последний лес, если это случится, нам будет нечем дышать. Мой дорогой друг, наша семья осталась без дома... И я сажусь в личный самолет, и лечу куда-нибудь в Никарагуа или на Антигуа, оплачиваю лечение слепой девочки, покупаю втридорога лес, чтобы никто не смел рубить, строю целый поселок для бездомных людей.

Хотя нет. Для этого летать никуда не надо. Достаточно деньги на счет перевести. Организовать все. Хотя нет. Надо будет слетать, проверить, пока мои деньги не разворовали все. Ну и так, для себя тоже по свету поездить, тайны всякие поразгадывать, Бермудский треугольник, Шамбала... Я еще в историю войду, как величайший исследователь, я еще космические перелеты организую...

Вот это все я буду в жизни делать.

Только деньги нужны. Да. Без денег-то никуда. И знать бы еще, где их взять, бабло-то на деревьях не растет и с неба не падает, десятка, которая мне по ветру за шиворот вчера прилетела, не в счет. А вот где их взять, то есть, я знаю, это можно всю жизнь пахать, открыть свое дело, вертеться аки белка в колесе, лет через триста, глядишь, что-нибудь заработаю.

Только это не дело.

Добро-то делать мне сейчас надо, а не потом.

Разве что наследство получить. От кого. Уж явно не от бабушек-тетушек, у них кроме старого чайника и оставить мне нечего, вну-учек, это семейная рели-иквия, я хочу, чтобы ты носи-и-ил, и не втолкуешь, что никто в таких уже сто лет как не ходит... это я не про чайник, это я про костюм, если что.

А может... а может, правда у тетушек-бабушек чего-нибудь припрятано, в сундуке где-нибудь, сбережения какие-нибудь, и вот так захочу я куда-нибудь на озеро Чад, они сначала хай поднимут, а-а-аа, пропаде-о-о-о-шь, а потом тетья Таня ко мне зайдет, и вместо того, чтобы ругаться, а-а-аа, свина-а-арник в ко-о-о-мнате-е-ее, скажет тихонько: племяш... я тут денежки собрала... ты уж поезжай... и я отпираться буду, да что ты, да как можно, а потом соглашусь...

Или нет. У тетушек-бабушек, конечно, может, чего и есть, только это чего-нибудь хватит, чтобы до Москвы добраться, не более, а уж про Чад и речи нет...

А вот. Придумал. У меня будет папа-олигарх. Вот как. Бо-

гатый-богатый. И я ему скажу – папа, а я хочу в Чад. А он скажет – да без проблем. Или нет, не так. Он мне сам первый скажет:

– Собирайся. Едешь в Париж.

– Ну, или там еще куда. А потом начнется. Никарагуа, Антигуа, Чад...

– Какой Чад... вон лучше... Агбоглоши.

Смотрю на отца. Спрашиваю:

– Это где? А-а, сейчас в интернете посмотрю...

– Не-е, – отец прищуривается, – давай уж по старинке по глобусу смотреть. Итак, это в Гане. А Гана у нас где?

– В Азии?

– Мимо, в Африке. Эх, спасатель, хоть бы географию подучил...

– Подучу. Обязательно. А вот, нашел. Западная Африка...

– Молодец. А знаешь, кому там помогать надо?

– Ну... люди там бедные.

– А еще?

– Ну... больные... на лечение им денег не хватает.

– А еще?

– М-м-м... эпидемия там чего-нибудь?

– Эх ты... грамотей. Там самая большая свалка на земле... компы старые туда свозят, перерабатывают... а ненужные детали на свалку выбрасывают. Грязь страшная... и дети там в мусоре роются, драгметаллы потом сдают... этим

и живут.

– Да ну?

– Ну да. Вот там бы и помог.

– Денег им дам, чтобы в помойках не шарились.

– Прimitивно мыслишь... человеку денег дашь, чтобы не работал, он и сопьется к черту.

– А фабрику по переработке мусора сделать? А рабочие места?

– Вот это лучше уже... молодец, соображаешь...

Отец получился совсем не такой, как я хотел. Я его каким-то высоким, сильным себе представлял, а он маленький, сухонький, когда смеется, морщины по всему лицу...

– Ну да ничего... главное, чтобы богатый. И даже нет, не это главное, главное – чтобы он мне другом был... понимал... не то, что эти тетушки-бабушки всякие... Смотрю, да и бабушки-тетушки все приутихли, поняли, что хозяин в доме появился...

Психолог слушает, кивает, сухо, сдержано.

Чувствую, что пора заканчивать.

– Понимаете, дело какое... чувствую себя... опустошенным... будто всю кровь из меня выпустили, не меньше. Скажите, а это может быть как-то связано с тем, что я отца себе выдумал? Ну, я слышал, если воображаемого друга себе придумать, он вроде как из человека начинает жизнь высасывать...

– Да, такое случается.

– Или... или, может... это потому, что он мне не настоящий отец?

– Как не настоящий?

– Ну как же он настоящий может быть, он же вымышленный. А где-то же и настоящий отец должен быть... мать мне про него ничего не рассказывала...

– А мать что говорит?

– А мать умерла, когда мне пять лет было. С тетушками-бабушками остался. Вы не думайте, у меня как-то даже и попереживать не получилось... ну... в пять лет не понимаешь же ничего...

Психолог кивает.

– Так вот... не знаете... с чем это может быть связано... что из меня будто всю кровь высослаи?

– Молодой человек, вам сколько лет?

Кусаю губы. Так. Началось. Сколько лет, номер полиса, группа крови...

– Шестнадцать.

– Ну вот. Вы сколько по миру мотаетесь?

– В смысле?

– Ну, вот в этом месяце сколько перелетов у вас было?

– М-м-м... до фига.

– А на неделе?

– Четыре вроде.

– Вот. Четыре авиаперелета. И еще куда-нибудь в тропи-

ки, да?

– Думаете... подцепил чего?

– Да нет. Вы хоть понимаете, что значит из зимы в лето вот так махнуть? Взвалили вы на себя много... то он фабрику организует, то больницу, то еще чего... Хоть бы подучились где сначала, на экономическом или где. Это же не просто так люди образование получают. Так что мой вам совет, кончайте вы это дело... ну, не кончайте, ну обороты сбавьте... это же только в сериалах красивых всё так хорошо, утром встал герой, сел на самолет, полетел в Бразилию, на следующий день в следующей серии встал, поплыл в Америку... и не устает, и не болеет, и ничего. А вы же живой человек все-таки... а не персонаж на экране.

Киваю.

– Много еще чего у вас будет. И обманывать будут, и обсчитывать, и жулики слетятся, как мухи на мед, и вообще... вот вам сколько лет?

– Так шестнадцать же.

– Вот ничего, что воплощать друзей своих воображаемых с восемнадцати можно? Дождетесь, штрафовать начнем... парень, ты пойми, это жизнь прожить надо, чтобы решать, кого выдумывать, кого нет... вот так монстра своего подкроватного в жизнь пустишь, и чего потом? Как в фильме этом... не помню... комедия какая-то была...

Поднимаю колючки. Распушаю хвост.

– Я своего отца обратно не развоплощу!

– И не надо. Вы только не выматывайте себя так... дело-то серьезное...

– Об этом и речи быть не может.

Мне кажется, я ослышался. Я таким своего отца не представлял, я его другим представлял. Ну не мог мой отец сказать – и речи быть не может. Это тетушки-бабушки какие-нибудь. Не отец.

– Но пап, я...

Отец повторяет. Холодно. Жестко. Не улыбается, первый раз вижу, чтобы отец не улыбался.

– И речи быть не может. Еще не хватало, чтобы от тебя рожки да ножки остались.

– Но...

– Я сказал. Все, все, и речи быть не может.

Понимаю, что и правда речи быть не может. Не умею я отца уговаривать. Не умею. Если бы он каждый раз говорил – нельзя, я бы знал, как к нему подступиться, уговорить, ну па-а-ап, ну пожа-а-алуйста, и когда с ним заговорить лучше, после завтрака, когда он новости в Интернете смотрит, или вечером в воскресенье...

А тут не знаю я, как подступиться... а подступаться надо, там все-таки люди гибнут.

Там.

В Пакистане.

Смотрю на фотку девчонки в покрывале, это она мне на-

писала, просила помочь, у них там дом был, а теперь дома нет, разбомбили, а братику лечение нужно, а больницу тоже разбомбили...

И какой я к черту посол доброй воли, если я туда не поеду...

Сажусь в машину.

– Давайте... в аэропорт.

Водитель недоверчиво косится на меня.

– Вам же отец...

– ...разрешил.

– Да?

– Да. Давайте...

Хочу добавить еще что-нибудь, не добавляю, чтобы себя не выдать. Не умею я врать. Не умею.

Подхожу к самолету, почему у меня так подгибаются колени, почему...

– Пройдемте с нами.

Оторопело смотрю на полицейских.

– А что я нарушил?

– А то сами не знаете.

– А у меня загран есть.

– Очень рады за вас. Пройдемте.

– Отца своего... вы придумали?

– Я.

– Он у вас олигарх, так?

– Ну...

– Богатый.

– Очень.

– А не скажете, чем он занимается?

– М-м-м-м...

Пол уходит из-под ног. Понимаю. Попался. Так попался, что мало не покажется. Об этом-то я и не подумал, то есть, как, то есть, совсем не подумал. Ну, богатый, и богатый, что, людей богатых, что ли, не бывает...

– Машины... продает.

– Это вы сейчас придумали.

– Ну да.

– А ведь никакими машинами он в жизни не занимался.

Как вы думаете, по чьей милости война в Пакистане была?

– Он, что ли, устроил?

– А то кто же... махинациями своими... Очень удобно, весь мир кровью затопить, а потом руками сыночка исправлять все...

Холодеет спина.

– А... что делать теперь?

– Нет, вы на него посмотрите... Как в шестнадцать лет отца себе выдумывать, так это мы пожалуйста, а как за поступки свои отвечать, так мы маленькие еще...

Краснею.

– Серьезно... маленький еще...

– Ну, маленький не маленький, а исправлять все равно тебе придется... что ты думал, не шутки же...

Понимаю. Не шутки.

Думаю, как исправить.

2016 г.

Зеркальные сны

– А мне зеркала сегодня снились... а вы не знаете, к чему зеркала снятся?

Пожимаю плечами.

– Ой, не знаю я... что-то в сонниках не разбираюсь.

– Ой, а я вот тоже не разбираюсь... вот снились зеркала, а к чему, не знаю. А я во сне видела, там катастрофа какая-то случилась, уж не знаю что... и люди все умерли.

Наигранно ахаю.

– На земле все люди умерли?

– Да нет, не на земле... в городе в каком-то... или в районе... и люди умерли, а от людей одни зеркала остались. Я вот так и не поняла, как это, люди умерли, а зеркала остались...

– Да. Странно.

– И потом музей этих зеркал открыли. В память о катастрофе. И туда прийти можно... люди своих родных искали, думали, какое зеркало какой человек... Там даже цветы перед зеркалами оставляли... хлеб... сигареты...

Киваю.

– Поминали умерших.

– Ну и вот... и вроде у меня там сын тоже погиб...

– Ваш сын?

– Да в том-то и дело, что по-настоящему нет у меня никакого сына! А тут во сне так четко все было, вот знаю я, был

у меня сын, и он погиб там... и вот хожу, сына своего ищу...

– Интересный сон.

– Это вроде как военные там какое-то оружие испытывали... и от этого люди в зеркала превратились.

– Невероятно.

– Я еще жаловаться хотела... ну, во сне хотела жаловаться, что сына моего угробили... а мне там люди сказали, не жалуйтесь, а то вам военные память сотрут.

– Ух ты...

– Вот... мне это приснилось все, вот чего-то я так волнуюсь...

– Ну что вы, не надо волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются.

– И то правда.

– Выдумали тоже. Из-за снов переживать.

– Ой, знаете, я из-за всего так волнуюсь...

– А зря. Мне вообще вчера приснилось, что я в аварию попал... и ничего. Утром встал, на работу собрался, как ни в чем не бывало...

– Ну, вы молодец... я вот так не могу.

– Сможете... я вот тоже не сразу научился... маленький был, фигню какую-нибудь потеряю и реву...

– Вы извините, что я так... время у вас отнимаю...

– Да ничего, ничего...

– Да я же вижу, вы человек занятой... генерал... а я тут лезу... просто вот как это приснилось... и я вот думаю...

– Да не надо об этом думать.

– Вот я тоже так думаю... а на душе неспокойно.

– Да не надо. Успокойтесь. Все хорошо будет. Правда-правда.

Женщина уходит. Делаю пометку в блокноте – получилось.

Из холла поднимаюсь в лифте на третий этаж, где комната с зеркалами. Офицеры уже убрали двух убитых, и цветы под зеркалами убрали, цветы-то зачем, лежали бы, никого не трогали.

Иду мимо зеркал, не слышу, но чувствую их безмолвные крики. Я их знаю. По именам. Всех. Я-то знаю, кто есть кто в отличие от родственников.

– Разрешите доложить...

Оборачиваюсь.

– А чего шепотом подкрадываемся, пулю в лоб хотим?

– Никак нет.

– Вот и я так думаю. Ну чего случилось?

– Заговор.

Рушится мир.

– К-какой заговор?

– Да вот... среди них... – офицер показывает на ряды зеркал, – я тут по датчикам посмотрел... они ауры свои объединяют... вырваться хотят... в мир...

– Где узел объединения?

– Не могу знать.

– А кто может? Я вас на что держу, подкрадываться шепотом, меня пугать? Всё-то вас учить надо... вот, смотрите... пики активности сходятся...

– Четырнадцатое зеркало.

– Оно самое. Полещук Николай Сергеевич... вот он... лидер восстания...

– Это его мамаша сейчас здесь выеживалась?

– Ну...

– И... что с ним делать?

– А то сами не догадываетесь... все-то вас учить надо...

Подхожу к зеркалу.

Размахиваюсь.

Отворачиваюсь, когда осколки хотят ужалить лицо.

2016 г.

Семьсот рэ

Оксана подскакивает среди ночи. Вроде и на работе вымоталась, сил никаких нет, а подскакивает, оглядывается, так и есть, телефон...

Оксана бросается к телефону, надо бы шлепки надеть, надо бы халат, да какой халат, какие шлепки, в прошлый раз вот так вот протелилась, кукуша, там уже трубку повесили...

– Алло... да... слушаю...

Незнакомый голос.

– Новозаводская, одиннадцать.

Оксана прикидывает адрес. Вздыхает. В ужасе догадывается.

– Это... сейчас ехать?

Сейчас. Потом уже может и не быть ничего.

Оксана бросается на улицу – опять в чем есть, некогда, некогда, еле-еле успевает, срывает с вешалки битую молю шубейку, которая не пойми зачем тут висит, и кроссовки надевает, зашнуровать тоже некогда. Мчится на улицу, ловит такси, тормозит не пойми какая машинешка. Это плохо, что не пойми какая, прошлые два раза темные личности Оксану на таких машинешках в лес увозили, и...

...ладно, не о том речь.

– Куда вам?

– Э-э-э...

У Оксаны все переворачивается внутри, бог ты мой, забыла, забыла адрес, кукуша чертова...

– Так куда?

– Новозаводская... одиннадцать.

– Далеконько...

– Ну, пожа-алуйста.

Оксана выкладывает деньги, откуда они у неё взялись, бумажник-то дома был. Да неважно. Думает, как будет жить до зарплаты, тоже неважно, живут же как-то люди, вон, Люд-ка с первого этажа, вечно пьяная...

– Скорее же...

– Дамочка, куда скорее, тут больше сорока нельзя.

– Я вас умоляю...

– На гаишников нарвемся, сами платить будете.

– Буду, – кивает Оксана, не знает, чем.

– А мы Джеффри спасем? – спрашивает Женечка у мамы.

– Спасем, спасем обязательно, – говорит мама, так говорит, что непонятно, то ли слышала, что Женечка сказала, то ли не слышала, бигуди накручивает, феном фенит, кому-то по телефону названивает, да-да-да, бегу...

– А когда?

– Ой, зайчоночек, давай вечером сегодня...

Женечка не любит, когда мама её зайчоночком называет. И когда как с идиоткой с ней разговаривает, тоже не любит. Только мама этого понять не хочет.

Женечка ждет. Главное, вечера дожждаться. И Джеффри главное вечера дожждаться. До вечера с Джеффри ничего в темнице не случится, не заберет её Армагеддон. Это злой волшебник такой, Армагеддон. Он Джеффри забрал и в темницу заточил.

А Женечка его не боится.

И Джеффри его пусть не боится, Женечка уже Джеффри весточку написала, чтобы та не боялась, Женечка её сегодня вечером из темницы освободит, выкуп за неё заплатит. Ехать до неё, правда, далеко, это через все Местности-Окрестности ехать надо, ну да ничего, Женечка своего Буцефала запряжет, это не конь, это единорог такой, и поедет. И мама поедет, и они Джеффри освободят...

– Приехали.

– Господи, и полгода не прошло, – Оксана в сердцах хлопает дверью.

– Хоть бы спасибо сказали, – бормочет водитель, Оксана не слышит, мчится к одиннадцатому дому, темный дом, ни вывески никакой, ничего, неужели опять обманули, три раза обманывали...

Оксана замечает неприметную дверь, толкает, уже не сомневается, что сейчас Оксану за дверью прихлопнут обухом.

Не прихлопывают.

Маленький магазинчик, не магазинчик – магазинчишко, таких в девяностые было чуть меньше, чем до фи́га, потом

все куда-то делись, провалились куда-то в какую-то другую реальность. Женечка такие магазинчишки обожала, прилипла носом к витрине, стояла, как приклеенная...

Оксана сама прижимается к стеклу, ищет, ищет, черт...

– Что-то конкретное выбираете? – спрашивает девушка за прилавком.

– Да... кукла у вас тут такая была... – Оксана хочет сказать Джефри, не говорит, – платье такое черное... и на голове рожки маленькие...

– Да, было что-то такое... сейчас гляну...

У Оксаны екает сердце, неужели...

– Ой, извините, вот только что буквально женщина последнюю купила.

– А куда она пошла?

– А я откуда ж знаю, я отсюда не выхожу...

Оксана бросается на улицу, оглядывает пустоту, – хочется разрыдаться в голос...

Нет.

Не сдаваться.

Ни за что.

Возвращается в магазинчишко.

– А... откуда кукол этих везут, не знаете?

– Да из Китая вроде бы... Во Владивостоке их как грязи...

Оксана кивает, срывается с места...

– Ма, а Джефри?

– Ой, зайчоночек, я забыла... ну завтра, завтра, честно тебе обещаю...

Оксана бежит к громадине аэропорта, назанимала-перезанимала, быть не может, чтобы все зря...

Один билет до Владивостока...

– А? Женечка-то? Да ну её, наказала я её сегодня... Да истерику закатила из-за куклы этой... Гос-ди, какие они мелочные все, фигня какая, кукла... ей экзамены сдавать, она из-за куклы какой-то ноет... ремня ей недодали, вот что. Да поздно уже, надо пока поперек лавки лежит... Ой, ну все, заболталась я, пока-пока, завтра вставать опять ни свет, ни заря, черт...

Оксана выключат телефон, проходит мимо дочкиной комнаты, заглядывает – опять ведь не спит, кукуша, опять играть будет допоздна, завтра как муха сонная в школу потащится, а ей еще экзамен сдавать... Отобрать у неё игрушки все, и дело с концом, вон истерику какую закатила из-за куклы этой рогатой, Оксану бы в детстве за такую истерику отлупили бы, чтобы месяц сидеть не могла...

Что-то не так.

Что-то...

– Женя?

Женя не отвечает, Жени нет.

Совсем.

– Женя?

Оксана заглядывает в кухню, в ванную, щелкает выключателями, Жени нет, Оксана зачем-то толкает входную дверь, замирает. Совсем хорошо, куда она среди ночи поперлась, дрянь такая, найдет ее Оксана, уши поотрывает, даром, что не била никогда, вот и плохо, что не била...

– Женя!

– Уважаемые пассажиры, просьба пройти...

Оксана хочет пройти, что-то торкает Оксану, она оборачивается, смотрит в провал окна, на лабиринты улиц, на мост, по которому грохочут грузовики, по краю моста идет девчужка в джинсовом комбинезончике, хочет поскорее добраться до огромного супермаркета на той стороне, там на витрине стоит Дженни, или как её там Женя называла...

– Женя!

Люди оборачиваются, удивленно смотрят на женщину, которая мчится к окну, кричит что-то, Женя, Женя, сбегает по лестнице.

Оксана торопится, работает локтями, отталкивает кого-то, необъятная тетка валится на пол, со звоном и грохотом роняет что-то хрустальное, разлетающееся мириадами искр, орет что-то, Оксана не слышит, что.

Оксана мчится в темноту ночи, наступает на шнурок, валится, до крови царапает ладони об асфальт, вспоминается

детство, вот так же падала, ревела, сдирала кожу...

– Женя!

Женя не слышит, Женя идет по мосту. Тогда Женя тоже шла по мосту, в ту ночь, как вообще до магазина добралась, кукуша, это же на другом конце города...

– Женя-а-а-а!

Женя оборачивается – тогда Женя тоже обернулась, когда Оксана к ней бежала, и грузовичище вот этот прогрохотал по мосту, на нем еще что-то по-китайски было, и толстенный китаец на картинке шел куда-то с узелочком...

Тогда тоже было вот так. И Женя вот так же кувырком подлетела вниз, с моста, Женя-а-а-а-а-а-а...

– Дочка ваша?

– Пятого года.

– Дочка ваша, спрашиваю? – не унимается следователь.

– Ага... да... да...

– Евгения... а по отчеству?

– Ильинична...

– Год рождения? А, да вы сказали, пятого...

Здесь нужно залиться слезами, только слез уже не осталось, ничего не осталось, пустота какая-то...

Оксана бросается к витрине, где Женя, вот она, на витрине стоит, и ценник, семьсот рэ...

– Ну, куда ты! – мама тянет за руку, Оксана даже не дума-

ет, как мама, почему мама, мамы же нет давным-давно...

Оксана не понимает, тянет руки к витрине.

– Там же Женя! Женя!

Даже не спрашивает себя, как это Женя на прилавке оказалась в красивой коробке, разве людей в красивых коробках продают...

– Денег сейчас нет ни на какую Женю, я тебе что, станок печатный?

Оксана не понимает, как нет денег, Женя же, там же, спастись же надо, пока не купил никто...

– Ну, зайчонок, ну давай завтра, а? Никуда она твоя Женя не убежит, пойдем уже, завтра с работы поеду, куплю.

Оксана ждет.

Оксана умеет ждать, Оксана здесь уже сколько веков Женю свою ищет, ждет, а тут мама сказала – завтра.

То есть, нет, завтра уже наступило, уже сегодня, Оксана домой из школы вернется, а мама с Женей уже ждать будет...

Оксана наскоро одевается, наскоро выбегает из школы, Кирюхин, идиотище, снежками кидает, Оксана ему снежком по морде залепливает, девчонки визжат, ай, молодец, Окся, Кирюхин догоняет, бросает еще два снежка...

Оксана торопится. Неужели, все, неужели вернут Женю, сегодня вернут, они, там, наверху, решили вернуть, не век же Оксане маяться...

Оксана распахивает дверь квартиры, оглядывается.

– А... а Женя...

Жени нет. Мама сидит, телек смотрит, там очередная Изаура с очередным доном Педро...

– Ма, а Женя?

Мама артистично кривляется, разводит руками.

– Ой, извини, зайчоночек, я забыла...

Оксана не понимает, как забыла, почему забыла, это же Женя, Женя, как можно Женю оставить...

– Это же Женя! Мы её забрать должны, Женя же!

Мама смеется.

– Я завтра специально еще раз не куплю, посмотрю, как долго ты злиться будешь...

Оксана распахивает дверь, бежит на улицу, Женю забрать, любой ценой забрать, за дверью расстилается мост, Оксана бежит по мосту, громыхает грузовичище, Оксана кувырком летит с моста...

...просыпается.

Коротко всхлипывает, и хочется плакать, и не плачется. Встает, одевается, даже не окликает никого в пустой квартире, знает, что Жени нет.

Выходит на улицу.

Оглядывает витрины, ищет одну-единственную куклу, такую в черном платье и рожки у неё на голове, рожки...

Что-то мелькает впереди, в потоке людей, что-то до черта знакомое, что-то... Так и есть, девушка идет в черном пла-

ть, и рожки у неё на голове. Оксана расталкивает толпу людей и нелюдей, догоняет девушку, хватает за руки, думает про себя, что она делает, что делает...

– Вам чего?

– Вы... вы кукла моей дочери. Вы... я вас купить должна была для дочери...

Чертовка смущенно отступает назад.

– Вы меня с кем-то путаете.

Оксана извиняется. И правда путает, уже в каждой чертовке с рожками куклу видит, вон их сколько, собираются, танцуют у костров, как на картинках Босха...

Оксана торопится. По-детски сжимает в кулаке семьсот рубле1.

Может, сегодня потратит.

Может быть...

2015 г.

АВЭЛИН

...па, девчонки сказали, что я ненормальная. Это было вечером, они все собрались на всю ночь на дискотеку, и позвали меня с собой. Я сказала, что я пойду спать, потому что завтра рано вставать в школу. Они сказали, что я ненормальная, и еще какая-то, замороженная, и ушли.

Папа, я не понимаю, почему они меня не любят.

Учителя здесь очень хорошие, только все какие-то молчаливые, себе на уме, отчитают уроки, и сидят неподвижно, смотрят в одну точку. Места здесь очень красивые, на берегу моря, я не знаю, как оно называется, географии у нас еще не было. Папа, вышли мне пожалуйста велосипед, я хочу кататься по утрам. И еще на Рождество я хочу книжку со сказками, я такую видела у тети Тани.

Груня

Папа, девчонки смеялись надо мной на перемене. Это было в большую перемену, я достала бутерброды и чай в термосе. А они стояли вокруг, смотрели, как я ем, и смеялись. Сказали, что я ненормальная. Папа, объясни мне, за что они меня так не любят. Ты никогда не говорил мне, что есть при других людях неприлично. Я хотела поделиться с ними, потому что это вежливо и по-товарищески, а они сказали, что я чокнутая, и еще какая-то, я не помню уже.

В школе я знаю больше других, учителям очень понравилось, что я умею читать и писать. А еще нам рассказывали про старые города, которых уже нет на карте, мне очень понравился Лондон, там большие часы на башне, и еще понравился Париж, там, говорят, до сих пор остатки башни, которую построил какой-то архитектор, я не помню, какой.

Папа, нам сказали в новом месяце платить за школу на сто ушек больше.

Груня

Папа, мне очень понравилась одна девочка, ее зовут Розамунда. У нее большие глаза, в пол-лица, и золотистые волосы до пола. Еще у нее длинные-длинные ноги, и бархатистая кожа, она сама так сказала – бархатистая кожа. Розамунда умеет прыгать высоко-высоко, до третьего этажа, и еще умеет ветреть головой так, что голова делает полный круг.

Папа, скажи мне, почему Розамунда совсем не обращает на меня внимание. Я хочу удивить ее чем-нибудь, чего у нее нет, но у Розамунды все есть, она приезжает в школу на машине с личным шофером. И еще она приносила в школу личный авиолет.

Сегодня я помогла Розамунде сделать контрольную по природоведению. Она не знает самых простых вещей, думает, что морковь – это такая птица, а птицы вылупляются из яиц, которые растут на дереве. А еще она думает, что весной листья, которые упали осенью, снова забираются на ветки.

Розамунда получила пятерку, а меня даже не поблагодарила. После уроков я предложила ей пойти в лес, посмотреть на птиц и на деревья, она долго смеялась и сказала: «Я что, чокнутая?»

Папа, скажи мне, как понравится Розамунде, она не хочет со мной играть.

Груня

Папа, срочно вышли мне денег, чем больше, тем лучше. Мне срочно нужны – на операцию. Не бойся, папочка, ничего серьезного, просто я хочу сделать себе мозг, как у девочек. Сегодня на перемене девочки показывали, что у кого в голове. У Антуанетты в голове вместо мозгов склад глянце-вых журналов, у Элизабет в голове разные игровые приставки, у Маргарэтты мозги электронные, все украшены розовым мехом и стразами. Но лучше всего мозги оказались у Розамунды, их делал какой-то зарубежный дизайнер, из чистого золота, и украсил бриллиантами.

Девчонки спросили, какой мозг у меня, я сказала, что обыкновенный. Девчонки посмотрели на меня и сказали: Ты чего, нищая?

Папа, вышли мне денег, я хочу мозги, как у Розамунды, или нет, лучше, чем у Розамунды, тогда она будет со мной дружить.

Груня

Папа, ты н поверишь, здесь никто не умеет плавать. Все

девчонки до смерти боятся воды. Когда я после уроков пошла купаться в море, они все собрались на берегу и смотрели на меня. Папа, я наконец-то смогла их удивить. А Розамунда сделала вид, что ей все равно...

...не знаю самых простых вещей. На уроке говорят про какие-то контакты и свитеры, и еще блютус, а я не понимаю, что это такое. Девчонки смеются, говорят, что я дура.

Груня

– ...дура такая... ты слышала, как от нее пахнет?

– Да не говори... Ой, девчонки, между нами по секрету, она по вечерам водой намывается, дезиками прыскается, чтоб от нее не пахло...

– Да ты че, гонишь?

– Да не гоню я, сама видела...

– А как жрет она, видели?

– Да не говори... такая ржака, сидит, хлеб в рот засовывает...

– Фу-у, меня чуть не стошнило...

– Ой, девки, я с ней рядом сидела, я думала, сдохну... у нее внутри все так и шевелится...

– Это она дышит.

– А-а, это называется, дышать...

– Ну... Девки, это я вам под страшным секретом, она сегодня из кабинета выходила в лес, а там...

Папа, сегодня я спасла Розамунде жизнь. Это было так,

у нас была олимпиада по природоведению, мы учились ориентироваться на местности. Нас увезли в лес и велели вернуться к школе. Все девчонки включили навигаторы, а навигаторы зависли, а я была без навигатора, я дошла, как ты меня учил, смотрела, где подорожник растет, и с какой стороны светит солнце, и где ветки у отдельных деревьев короче.

И я пришла первая, и мне на олимпиаде дали главный приз, очень красивую книжку про вымерших животных. А девчонок по лесу разыскивали спасатели, всех спасли, а Розамунду не нашли. И тогда я сама пошла ее искать. Я чуть не заблудилась, но нашла Розамунду, она лежала на поляне. Я отнесла ее к школе. Мне даже объявили благодарность от имени школы, а отец Розамунды подарил мне ее старый смартфон, только я не знаю, что это такое. А Розамунда, когда пришла в себя, даже меня не отблагодарила, мне кажется, она на меня очень рассердилась.

Папа, скажи мне, за что она на меня так сердится, ведь я поступила хорошо, я заняла первое место, я ее спасла...

Груня

Папа, вышли мне книги по истории, оказывается, я ничего не знаю. Сегодня рассказывали про какие-то времена рабства, и свободные времена, а Розамунда кричала, что их самих всех нужно в рабство загнать, кто еще остался. А девчонки почему-то все на меня посмотрели. А после уроков Элизабет сказала, что я дура, и что она бы на моем месте вмазала бы этой Розамунде по первое число. Я сказала, что

она сама дура, и что я Розамунду обижать не позволю. Мы даже подрались, нас обеих рассадили по карцерам.

Папа, что такое времена рабства, и почему все смотрели на меня, я ничего не понимаю.

Груня

Папа, я поняла, почему Розамунда меня не любит! Она никогда не будет меня любить, потому что у нее нет сердца. Я узнала про это сегодня, когда Розамунда при мне открыла грудную клетку, а там у нее вместо сердца был плеер и наушники, и она вытащила наушники, чтобы слушать музыку.

А еще девчонки смеются надо мной, что я отлучаюсь на переменах. А что мне делать, если в школе нет туалетов, и приходится выходить в лес. А девчонки смотрят, как я хожу в лес, и смеются.

Папа, что такое Замещение? Вайолетта сегодня спросила меня, почему я не сделаю себе замещение, что я, нищая или чокнутая какая-то. Я спросила, что это такое, она сказала – ну точно чокнутая, и ушла.

Груня

Папа, что мне делать, Розамунда меня совсем не замечает. Она просто чудо, я люблю ее все больше и больше, она фотографирует взглядом, и светится в темноте нежно-голубым сиянием. Сегодня я собрала в лесу самые красивые цветы, и положила на парту Розамунде. А она сказала, что это гадость, и чтобы я убрала эту дрянь. А девчонки хохотали

в голос, и даже учительница смеялась. А Мариетта сказала, что не думала, что настоящие цветы выглядят так отстойно.

Папа, я люблю Розамунду, я не знаю, что мне делать, наверное, я умру от любви, как этот, про которого ты мне читал, я забыла, как его зовут.

Груня

Папа, сегодня со мной что-то случилось, я так и не поняла, что. Девчонки решили всем классом прогулять природоведение, потому что они в нем ничего не понимают, и говорят – тупой предмет. А я не стала прогуливать, потому что мне нравится, и потому что ты мне сказал уроки не прогуливать. И тогда на следующий день директор всех девчонок наказал, посадил в карцер, а мою фотографию повесили на доску почета.

А вечером девчонки подкараулили меня за школой и хотели побить. Но у них ничего не получилось, потому что я сделала что-то, сама не понимаю, что. Я просто нажала на свое запястье, и все девчонки попадали замертво. Я даже испугалась, что они умерли, позвала сторожа, а сторож сказал, что их еще можно оживить. Я очень обрадовалась, что девчонки воскресли.

Папа, что я сделала, я не понимаю. Когда-то я нашла у нас дома на чердаке древние рукописи, там, в обрывке рукописи было сказано, в случае нападения нажмите на запястье. Но я никак не думала, что это работает.

Папа, почему ты никогда не говорил мне, что ты волшеб-

ник, и у тебя есть древние рукописи? Почему ты не сказал мне, что у меня есть магическая сила?

Груня

Папа, не хочу тебя огорчать. Но меня исключили из школы. Прости. Это все из-за вчерашнего. Сегодня сказали, что я нарушила закон об отмене рабства, и что это очень-очень плохо. Потом со мной долго говорил директор. Он сказал, что должен донести в службы безопасности, но не станет этого делать, но из школы я все равно должна уйти. Еще он сказал, что ему очень жаль. Я спросила директора про то, что было вчера. Он подтвердил, что у меня и правда есть магическая сила, власть над ними над всеми, и еще добавил, что надеется, что я буду использовать эту силу с умом.

Папочка, вышли мне денег на дорогу. Еще раз прости.

Груня

Папа, я никуда не еду! Когда меня прогнали из школы, в тот же день мне позвонила Розамунда. Она сказала, что очень жалеет, и что ей меня очень не хватает, и что она меня **ЛЮБИТ!**

Мы встретились после уроков, и Розамунда отвезла меня к себе домой! У нее потрясающий дом, не дом, а настоящий замок, с башенками, и фонтанами, и у нее куча машин, и эскалаторы, и лифты. И еще в доме у Розамунды все блестит и сверкает, и Розамунда занимает не отдельную комнату, а целый этаж. У нее там спальня, и куча гардеробных,

и такая одежда, что мне и не снилась, и куча игрушек. А книжек у Розамунды нету. Совсем. И у других девчонок тоже. Еще в школе девчонки смотрели, как я учу из учебников, смеялись и говорили, ты чего, чокнутая, тебе ссылку трудно сделать из Инета?

Розамунда кормила меня мороженым и показывала фильмы. У нее есть такая программа, закачиваешь свою фотографию, и потом ее можно подставить в любой фильм вместо любого актера. То есть, получается, ты как будто играешь в фильме главную роль.

Розамунда обещала свозить меня посмотреть мертвые города, Лондон и Париж! Сказала, что мы скоро отправимся в путешествие, только дождемся каникул!

Груня

...конец-то я могу доказать Розамунде свою любовь, она сама придумала, как. Она попросила меня забраться на закрытый комбинат, и принести философский камень из запретного цеха. Розамунда сказала, что философский камень узнать очень просто: он светится в темноте.

И сегодня ночью я ходила на закрытый комбинат, который к северу от поселка. Папочка, ты только не беспокойся, пожалуйста, все было хорошо. Я забралась на комбинат, через забор с колючей проволокой, и нашла секретный цех. Там было очень много философских камней, я выбрала самый красивый, думаю, что его пропажи не заметят. Заметили не камень, заметили меня, поймали, когда я уже выби-

ралась с комбината, спрашивали имя и фамилию, обещали рассказать в школу и родителям. Так что я тебе, папа, рассказываю заранее.

Розамунда была очень довольна, сказала, что я молодец. Мы весь вечер сидели и смотрели, как сияет философский камень. Розамунда сказала, что с его помощью можно превращать все что угодно в золото.

Папа, скажи, что делать, если колет в пальцах и все время тошнит. Мне кажется, я заболела, сегодня вечером меня вырвало кровью.

Груня

Папа, скажи мне, зачем она это сделала, зачем Розамунда убила меня? Я не знаю, куда она дела мое тело, может, в утиль, вместе с философским камнем. Я хожу по комнатам, просачиваюсь через стены, зову Розамунду, она меня не слышит.

Папа, почему она так поступила со мной, почему чем больше любишь кого-то, тем больше он тебя ненавидит? Наверное, все это потому, что у нее нет сердца.

Груня

- Ты че, отмороженная?
- Сама такая, овца!
- Да че сама такая, тебя по судам затаскают на хрен!
- Ни хрена не затаскают, хрен чего докажут. Если припрут, скажу, что эта дура сама на комбинат поперлась.

– Круто ты ее.

– Да всех их пора уже извести... сколько их там осталось, полторы калеки...

– Говорят, в Сибири еще какие-то тусуются.

– Бомбу на хрен на эту Сибирь сбросить, и все... на хрена с тварями этими цацкаться... воняет от них так, фу-у...

– Да не говори... слышь, Роззи, я чего хотела-то, там в Парадизе акция, приведи друга, получи вторую шмотку бесплатно, так я...

...управление полуавтономными электронными интеллектами (АВЭЛИН) осуществляется посредством пульта, зафиксированного под кожей на запястье человека. При потере контроля над АВЭЛИН следует....

Уважаемая Розамунда Вольдемаровна, доводим до Вашего сведения, что срок оплаты за Замененное тело истекает 12.04.2134 г. в случае неуплаты фирма будет вынуждена конфисковать свое имущество, вернуть Вам старое тело....

...папа, зачем она меня ищет, что ей еще от меня надо. Что-то с ней случилось, до сих пор не понимаю, что, почему она из своего дворца перебралась в комнатенку на окраине. Все время плачет, я раньше и не думала, что она умеет плакать. Оказывается, не знает самых простых вещей, как приготовить еду, как заварить чай, купила зубную щетку, водит

ручкой щетки по зубам, когда моется, выливает на себя всю бутылку шампуня. Вчера она хотела пожарить яичницу, положила на сковородку неразбитые яйца.

Я смеюсь. И плачу. Вместе с ней. Она все время плачет. И зовет меня. Я не могу от нее уйти, потому что я ее люблю, и хоть что ты папа говори, ничего ты тут со мной не сделаешь.

Напиши, пожалуйста, какие ты знаешь заклинания, чтобы вызвать духов, то есть, наоборот, чтобы дух стал видимый для человека, мне нужно с ней встре...

2013 г.

Агентство слушает

...на лестнице четверо, двое сверху, двое снизу. На улице еще двое, это как минимум, пока я здесь, их могло еще штук двадцать понабежать. Потом... Что потом... суп с котом. Выбираться отсюда надо, вот что потом.

Знать бы еще, как... снова выискиваю в телефоне какие-то номера, снова слушаю – телефон заблокирован. Обложили, сволочи... Я, конечно, тоже не святой, деньги не кончатся, так я и не вспомню, что положить надо... Но чувствует мое сердце, я тут не при чем...

Распахиваю окно, в комнату врываются голоса улицы. Смотрю вниз – захватывает дух, ч-черт, еще даже не взглянул, чувствую себя лежащим на тротуаре с размозженной головой.

Ладно, это мы еще посмотрим, кто на тротуаре лежать будет...

Лестница близко... пожарная лестница, вот, в двух шагах, и надо-то всего, встать на подоконник, хоп, за лестницу ухватиться...

Легко сказать – встать... Это в триллерах голливудских все так просто, хоп, на лестницу, хоп, с крыши на крышу, хоп, плащ расправил, полетел, на тебя пятеро в масках, ты их из бластера расстрелял...

Щелкает дверной замок. Ч-черт бы их драл, уже в квар-

тиру проломились, сволочи... а я как хотел, что они, стоять ждать будут, что ли... нет, надо было в коридоре встать, сейчас бы стрелял их одного за другим... и правда как в боевике...

Стрелял... Легко сказать... Это в тире так просто, по мишеням, пиф-паф-ой-ой-ой, поздравляем, вы выиграли электронные стельки от самсунг... А вот смогу ли я в человека выстрелить... вот так... А что смогу не смогу, или я их, или они меня...

Одно непонятно, что я им сделал-то...

Шаг... хоп... хватаюсь за лестницу, кажется, кричал... не знаю, не помню... все, как во сне... карабкаюсь вниз, быстрее, быстрее давай, идиотище, они тебя ждать не будут... да как же не будут, вон они уже ждут внизу, четверо... с-сволочи...

Вверх... из последних сил – вверх, один черт знает, что меня там ждет вверху... Знать бы еще, что я им сделал... Деньги им нужны... нет, не то, за деньги-то что убивать, обобрали и все... или увидел что не то... Ну да, было, позавчера, кажется, в клубе каком-то, девчонка из клуба выходит, какой-то амбал ее в машину затащил, она сопротивлялась, вроде... А я видел... еще подумал, вмешаться, что ли, да на фиг надо, они знакомы, вроде...

Знакомы... вот тебе и знакомы...

Выбираюсь на крышу – отсюда город кажется маленьким и тесным, даже странно, как мы в нем все помещаемся. Тэ-

экс, до соседней крыши далековато... или через подъезды попробовать, в других-то подъездах меня не ждут...

Пробираюсь – через чердачное окно, ч-черт, голова кружится, вот что значит, полночи не спал... в стрелялки резался... вот тебе и стрелялки... такие стрелялки, что дальше некуда... Сворачиваю на лестницу, мир рушится, вот они, двое, стоят...

– Молодой человек... на пару слов можно?

Стреляю. Как в тире, раз, два, один падает с разmozженной головой, второй сгибается пополам, комочком замирает в углу... ранил... Добиваю – в голову, уж они бы колебаться не стали...

Оружие... да, оружие взять, вытаскиваю кольты из слабеющих рук, бегу – по лестнице, главное, выбраться из дома... выбраться... черта с два они дадут мне выбраться... еще трое вываливаются откуда-то из ниоткуда, стреляю, двоих наповал, третий валит меня на ступеньки... пусти, скотинище, пусти... сам не знаю, как отшвыриваю его от себя, еще два этажа... еще... Врываюсь в фойе, буквально налетаю на девушку с кольтом, откуда таких няшных берут...

Назад... свистят пули – мне вслед, почему я не убил ее, почему... Няшная, видите ли... вот пристрелит меня, вот будет няшно... Няшнее некуда...

Бросаюсь в распахнутое окно, второй этаж... падаю – куда-то в никуда, черт, надо же было на крыльцо, а не на асфальт, ну правильно, мы сначала прыгаем, потом думаем...

Черт, нога... кое-как поднимаюсь, пули вонзаются в спину, ч-черт, больно... ловлю ртом воздух, не ловится...

Пиф-паф-ой-ой-ой...

Топот ног... обступают со всех сторон...

– Все, все, хорош, мужики, ваша взяла...

– Мы тебе не мужики, – няшная девушка наклоняется надо мной. Похоже, она подстрелила.

– Дамы и господа.

Смеются. Кто-то помогает мне встать, кто-то тащит в маленький бар на углу, уже подсовывают меню... Хоть полотенца мне какие подложите, сейчас все кресло вам кровью изгваздаю, пока эти раны затянутся... нет, вроде затягиваются, уже могу дышать – еще неглубоко, ничего, все наладится... Мои преследователи рассаживаются рядом, чего им, приказаний ждут, что ли...

Ну что сели, как на похоронах, давайте, отметим, что ли, это дело... Та-ак, мы официанта до конца света ждать будем? или после? Мне рыбки красной принеси, салатик у вас тут есть крутой... и этим головорезам, что попросят... Ну и винишка неси красного... Крови-то мы порядочно потеряли...

Оборачиваюсь к няшной девушке, как чувствует, села рядом со мной. Тоненькая, хрупкая, такой бы за пианино где-нибудь сидеть, а не с пистолетом бегать...

– Как зовут?

– Амик.

– А настоящее имя как?

– Молодой человек, я же у вас настоящее имя не спрашиваю...

– Да бога ради... Алексей меня зовут.

– А я Алена.

– Я этих ваших-то там не сильно попортил?

– Да вон идут...

– Ну официанта гоните, пусть им мясного чего-нибудь принесет... и регенерата двойную дозу... А шестой где?

Девчонка отмахивается. Чувствую, как холодеет спина. Черт, сколько зарекался уже, еще с того раза, как застрелил двоих на каком-то заброшенном комбинате... Сколько говорил себе, идиотище, не стреляй в голову, не стреляй в голову, в голову не стреляй... хоть кол на голове теши... Ладно, кого-нибудь из конкурров заказать, сам бог велел, а вот так...

– Жена, дети? – спрашиваю Алелу.

– Женат был.

– Компенсацию ей... все при всем... да вы ешьте, пейте, за все плачу... Щ-щас я вернусь, звоночек один надо сделать...

– Агентство слушает. Алексей? День добрый, очень рады вас... слышать. М-минуточку... да, можно заказать. На сколько? На восемь... тридцать... Х-хорошо... из чего? А-Кэ-Эм, в голову... Так... кого? Ага... простите, еще раз... Баг-рян-цев... х-хорошо. Заявочка ваша принята... м-минуточку, вы по безналу будете? Х-хорошо. Ожидайте, заказик

ВАШ ВЫПОЛНИМ...

(позавчера)

– Агентство слушает. Алексей? Оч-чень приятно, а что-то вас давно не видно, не слышно, мы уже прямо соскучились... Куда отдыхать поедете? А, не отдыхать? Экстрим? М-минуточку, сейчас посмотрю... вот, сплав по Ниагарскому водопаду на... Простите? А-а, конечно-конечно... Та-ак... в киллеров поиграете? Ну, это за вами киллеры придут, вроде как убить вас хотят... Прекрасно... Сколько человечков вам подослать? Пятнадцать... Пятнадцать... человек на сундук мертвеца... Мужчин, женщин? Девушку одну? Будет вам девушка... Та-ак... На все про все семьсот тысяч за удовольствие. По безналу? Хорошо, записываю. Заявочка ваша принята, ожидайте. У-ух, какой вы шустрый, так мы вам и скажем, когда... В том-то весь экстрим... вы даже не сомневайтесь, нервишки мы вам пощекочем...

(сегодня)

– Ну что, Амина, или как тебя там... пошли, что ли?

Музыка стихла, она пытается уйти, я не выпускаю, мягко вырывается, я так же мягко придерживаю... Врешь, не уйдешь...

– К-куда?

– Как куда... на Кудыкину гору. Там знаешь, как классно на Кудыкиной-то горе...

– Да что вы...

– Да что я... пошли.

Вырывается. Сильно, отчаянно, ишь ты какая.

– Вы... вы меня за кого принимаете, в самом деле...

– Да брось, Альбин... или как тебя там...

Вырывается... Вот черт, первый раз таких вижу...

– Вы с ума сошли... я полицию позову... Это... это не предусмотрено контрактом...

Вздрагиваю. Ну так бы сразу и сказала.

– Сколько?

– Двести.

– Нехило берешь...

– Да, знаешь, дорого себя ценю.

– И то правда... – отсчитываю банкноты, – я бы такой и все триста дал...

– И дай. А двести этим, в агентство.

Ишь ты, монополисты хреновы... Ладно, это тебе на чак... с сахаром...

– Алло, Агентство? Это пенсионерка из сто седьмого дома вас беспокоит... ну да, сто седьмой на Балканской... это ваши тут вчера приходили киллеры? Этого-то магната убрать? Слушайте, все понимаю, сил никаких больше нет, вы тоже меня поймите! Орут, стреляют, я с внучком во двор вышла,

там трупы валяются... нет, я все понимаю, молодежь развлекается... но не по ночам же... а то как ночь, тут начинается... то в инопланетян переоденутся, то еще во что... и трупы лежат... Да что-то, девушка, спать-то, говорю, невозможно! А-га, разберитесь, доченька, очень уж вас прошу...

Просыпаюсь. Потягиваюсь. Еще не совсем понимаю, где я, что я, откуда я. Ах да... киллеры. Нет, киллеры, это вчера было, а сегодня девушка, вот-вот, девушка, как ее там... Аниме...

– Ну как оно тебе? – поглаживаю темные волосы.

– Классно... всегда бы так...

– Стой, шустрая какая, куд-да пошла... давай... еще.

– Не двигайся.

– Чего-о? Да ты...

Не договариваю. Смотрим друг на друга – я и черное дуло кольта. Сколько их понабежало... четверо... это те, в которых вчера стрелял... вот уж не думал, что мстить будут... Алина, или как ее там, уже шарит в моем кейсе...

– Чего ты у него там деньги тащишь, денег, что ли, не видела? Ты кредитки, кредитки давай...

– Ага, взяла... нет, вы видали лоха, он пин-код на кредитке пишет.

– Правильно, так и надо... чтобы нам легче было... Все вытащила?

– Ну...

Парень с кольцом оборачивается на мужичишку, похоже, главного.

– Этого... убрать?

– Ага, я тебе уберу... нас потом так уберут... Айдайте уже... стой, наручники вынимай... к кровати его, умника... Амик, дура такая, я тебе русским по белому сказал, он заснет, чтобы его приковала...

– Да я сама засну-ула...

– Вот-вот, это ты можешь... как в кровать, так спать сразу.

– Да ну тебя совсем...

Крадутся к выходу, лежу – не шевелюсь, главное, не смотреть на телефон на тумбочке, самсунг мой маленький, я до тебя доберусь... Агама или как ее, выходит последняя, останавливается... черт, заметила, сука... хватает телефон, грохает об стену...

Ну, вставляйся же...

С-сука...

Нет, было же все это телефоне... все эти симки, аськи, васьки, петьки... Или это все уже лишнее... да нет, вряд ли, уж если было, значит, надо... все равно, как человеку половину внутренностей вытащить, и удивляться, что это он помер...

Извиваюсь червем, кое-как дотягиваюсь еще до какой-то блестящей штуковины, выпавшей из телефона... черт... это как в детской игре, когда привяжут тебя к чему-нибудь, и по-

пробуй достань какую-нибудь штуку в двух шагах от тебя.
И хочется, и колется.

Только это как-то на игру не похоже...

Ну, включайся же...

С-сука...

Только сдохни мне сейчас...

– Ну, привет, – шепчу телефону.

ПРИВЕТ И ТЫ, КОЛИ НЕ ШУТИШЬ – вспыхивает на экране.

МЕНЮ...

КОНТАКТЫ...

– Алло, Кирюш, я тут... да что некогда тебе, ты дослушай сначала, идиотище! Тут дело такое... живо давай полицию вызывай, я тут в номере прикованный к кровати сижу... да какое, на хрен, садо-мазо, тут делишки-то покруче, кредитки-то все из меня повытрясли... Разберешься? Верю, верю... уж чтоб Кирюша, да не разобрался...

Выключаю телефон, жду. Ч-черт, зачем я Кирюшку в это дело ввязал, зачем все, теперь обоим нам хана... эти головы-тяпы вроде как не шутили...

(накануне)

– День добрый, Агентство слушает... Да, конечно, можно... На какое время заявочку? На завтра наутро? Отличненько. Что делать будем? ограбить? Квартиру вскрыть? А,

лично ограбить... та-ак, кредитки, еще что... короче, по миру пустить, я правильно поняла? Ага... убивать объект будем? Нет? Кого грабить будем? Ух ты... самого Рижского, это же знаете, во сколько обойдется... а... хорошо. Так... прошу прощения, между нами, нам для отчета нужно: кто заказал? Так... Кирилл... Иванцов. Вы, вроде, с ним в одной школе учились? А, простите, все, молчок... не мое дело...

Ясен пень, на таможене ловить надо... они же сейчас из страны тю-тю...

Смотрю на Кирилла, киваю. Все ясно... что ничего не ясно. Ладно, Кириллу виднее, он в органах служит, не я...

– А деньги... вернем?

Кирилл передергивает плечами. То ли не знает, то ли не хочет говорить, то ли... Ведет себя так, будто я виноват. А что, и правда виноват... на что надеялся, спрашивается, хожу, трясу своими кредитками направо-налево... Вот так, без охраны, без всего, типа, властелина мира никто не тронет. Да черта с два... Как будто можно подняться на такую высоту, с которой уже не упадешь.

Уже и сам начинаю обращаться с собой так, будто я виноват. Развлеченьица захотелось... вот тебе и развлеченьице. Сколько ждал чего-то такого в своей жизни – неподвижного, непредсказуемого, среди всего этого, доброе утро, ваш кофе, ваш завтрак, ваша машина, доброе утро, господин директор, все готово, осталось только добавить формулу...

дамы и господа, прошу очистить помещение, господин директор священнодействует... Подхожу к резервуару, пронзаю руку иглой – рука уже вся в рубцах, несколько капель моей крови – священной крови – падает в цистерну. Что-то происходит там – невидимое, неведомое, непонятное... Оборачиваюсь:

– Готов ваш регенерат... можете развозить на продажу.

Падаю в кресло перед монитором, выискиваю что-то, чего еще не видел, фестиваль чего-то там где-то там, пошли на фиг, погружение в Марианскую впадину, одно лето подсел на дело, надоело уже... Что еще... космос, недорого... для меня понятия дорого не существует... на Луне был, на Марсе был, чуть не сдох в этом корабле, как-то больше не тянет... Карнавал в Рио... пошли на фиг... премьера голливудского интерактивного блокбастера... все желающие приглашаются на съемки в Колорадо... адреналин обеспечен... Вот это еще куда ни шло, хотя тоже...

Адреналин...

Вот тебе и адреналин...

Бойтесь своих желаний... они могут исполниться...

Вздрогнул. Нет, показалось. Нет, не показалось, вот они, идут...

– Эти, – тихонько толкаю Кирилла под локоть, – девку эту помню... и...

– Ч-ш-ш...

Кирилл выходит к ним, уже забирающим свой багаж, ки-

вает:

– Будьте добры, пройдите с нами.

Почему он не обыскал их... Ладно, может, оно так и надо... входим в неприметные подсобки, ну сейчас начнется, а это не мы, а мы его первый раз видим...

Дверь захлопывается...

– Киря!

Кирилл, идиотище, почему ты не обыскал их... получил теперь... по полной... крепенько ему грудь разворотили...

Черное дуло смотрит на меня. Боль разрывает грудь.

– Ты, парень, кажется, не понял, что тебе сказали? Плохо, что не понял... скоро поймешь...

Куда они нас тащат... по темным коридорам, лестницам, шорохи улицы окружают со всех сторон... И не крикнешь, не позовешь на помощь, легкое прострелено, да кого звать...

Черт...

Вот это хуже нет, трястись в фургоне... Сжимаю зубы, чтобы не застонать от боли, жду – когда затянется рана, не иду, ползу к Кириллу, что-то долго он не приходит в себя, надо бы ему кровушки моей...

– Киря... ты живой?

– Вроде да...

– А крепенько они нас... чесслово, не ожидал...

– Что не ожидал? Ты хоть понимаешь, что на тебя уже лет двадцать охотятся?

– Чего ради?

– А то сам не знаешь... кровь твоя, кровь... конкуры себе локти кусают, с ума сходят, у них-то сколько не бьются, регенерат дерьмовый получается... вот за формулой и охотятся...

– Папашу моего почему-то не ловили...

– Почему-то... по кочану-то... папаша твой знаешь какой крутяк был, лучше не соваться... как формулу-то эту нашел, как в гору пошел, так куда там... перья свои распустил... То папаша твой, а то ты...

Сжимаю зубы. Так бы и дал ему сейчас, кто виноват, что я никакие формулы не открываю...

– Да не парься... это они нас сцапали, потому что ты меня позвал... в хибаре какой-нибудь запрут, и все...

– А не убьют?

– Кишка тонка.

Стараюсь расслабиться – не могу, все так и клокочет внутри... все будет хорошо, все-бу-дет-хо-ро-шо, всебудетхорошо, черта с два...

Свет. Сильный, режущий глаза. Кто-то выволакивает нас, еще обмякших, ослабевших, тащат в дом... чья это дача, мать его... был же здесь...

– Киря, к тебе идем, что ли?

– А ты как думал... – Кирилл устраивается, на диване, окруженный головорезами, обвиняет за шею Алину, или как ее там, подмигивает мне.

– Ну что, парень... говорят, у тебя где-то в костном мозге

участочек есть... из которого регенерат и течет... Это где папаша тебе укольчик сделал...

– Бред собачий.

– Ага, побледнел... не умеешь ты, Леха, врать, не умеешь... Мог бы и поучиться... за тридцать-то лет... Так что давай, колись, где... а то руки-ноги пообрываем, позвонки раскурочим, все равно же найдем...

Холодеет спина. Краем глаза замечаю что-то на коврике у дивана... только бы дотянуться...

– Кирюха... слушай, я-то тебе что сделал? Вот так, друзья называется... ноу комментс...

Протягиваю руку... медленно-медленно...

– Друзья-а... у меня-то такого папулечки крутого не было, чтобы укольчик мне раз – и всю жизнь миллионы мне сами в рот текли... насле-едничек гребаный... людей он воскрешает... а сколько людей загубил, ты мне можешь сказать? Сегодня у него пострелушки, завтра у него интерактивный блокбастер, послезавтра... того, этого пиф-паф-ой-ой-ой... не-ет, ты теперь за все ответишь...

Здоровый мужичара идет ко мне, поигрывает ножичком, сжимаю руку – в отчаянном жесте, вот он, кольт, родненький, в руке...

Пиф-паф-ой-ой-ой...

И тут уже не думаешь, как бы не попасть, не покалечить, не...

...разрывными, в голову...

...Кирилл... садюга, не ждал от тебя...

– Ну, ну, хорош... – Кирилл поднимает руки, – а ты знал, что тебя снимает скрытая камера?

Оборачиваюсь – на них, идущих мне навстречу, шелкаю кольтом, с-сука, все патроны расстрелял... Люди, с микрофонами, с камерами, что они суют мне, цветы, это еще что...

– Улыбнитесь, Алексей... Это была программа Розыгрыш.

Вымученно улыбаюсь. Вымученно пожимаю руки. Киря... не ожидал от тебя... долго думаю, сжать ли его руку, наконец, обнимаю его, сильно, крепко... А что делать, марку держать надо... марку властелина мира. Краем глаза смотрю на головорезов, двое неуклюже поднимаются, еще четверо лежат с разбитыми головами... Черт, сколько раз зарекался... Алена... или как ее там... холодеет сердце, оглядываюсь.. нет, вот она стоит, смеется, смотрит, как затягивается рана на груди, ворчит что-то, ур-родище, ты мне блузку заляпал, кровь теперь хрен отстираешь...

Я тебе новую куплю... да что я говорю, я тебе весь магазин скуплю... с блузками этими...

...Что они мне тут насовали... Не удерживаюсь, раскрываю коробки прямо тут, в машине, выволакиваю какие-то понаворочанные айпады, смартфоны, ишь ты, кофеварка, она-то мне зачем... раскрываю коробки – осторожно, выскочит какая-нибудь гремучая змея... или смартфон обернет-

ся трансформером-убийцей... от этих розыгрышей все ожидать можно...

– Нравится?

Альбина... или как ее там... совсем забыл про нее. И имя совсем забыл. Кажется, обиделась девчонка. Ничего, на обиженных воду возят...

– Ты мне больше нравишься... главный приз. Еще ленточкой тебя перевязать осталось...

– И в коробку положить.

Смеемся. Машина несется по мегаполису, ускоряя бег...

– Слушайте, натерпелся я с вами... Думал все, хана уже...

– Что, правда?

– Да правда что... Слушайте, умеет ваше агентство нервишки пощекотать...

– Рады стараться.

Сейчас прямо еще чего заказать хочется... только что тут закажешь, я уже все подвохи ваши знаю, не страшно уже...

– Это тебе так кажется... заказывай... не пожалеешь...

Алло, Амик слушает... да ну вас, я с клиентом работаю, какие заявочки... а... да, хорошо. Без проблем... – девушка выключает телефон, виновато улыбается, – не отстанут они от меня, не отстанут...

Машина скользит, замирает на поворотах. В голову лезет какая-то муть, и не выгонишь ее, был бы трезвый, прогнал бы, а стаканчик пропустил, и все, мои мысли мной верховодят...

– А ведь кто-нибудь так и прихлопнет... на самом деле. Конкур какой-нибудь... или еще кто, кому формула покоя не дает...

– Да ну, брось... конкуры уже хвосты-то поприжимали...

– Да кто их знает... знаешь, каково, вот так в ресторан заходишь, оглядываешься, может, вот этот на меня зубы точит... или вон тот...

– Забей...

Прижимает меня к себе, сильно, хищно, впивается в губы, будто это не я ей заплатил, а она мне. чувствую холодное дуло, прижатое к виску... Да ну, убери уже... надоело... давайте уж что-нибудь пооригинальнее...

(накануне)

– День добрый, Агентство слушает. Да, конечно можно... на какое время заявочка? На восемнадцать тридцать. X-хорошо... из чего убивать будем? ну как неважно, вы уж скажите... Из кольта... калибр какой? X-хорошо... в голову? Отлично... Та-ак... еще какие-нибудь пожелания будут? Ну, сам там не хотите попридти... Я-асненько... правда что, что там смотреть... фотографии вам перешлем... На кого заказик? Простите? На Рижского, вы имеете в виду фармомагната? М-м-м... вы в курсе, во сколько это обойдется? Пять миллионов... X-хорошо. Заявочка ваша принята. Ожидайте. С ним как раз сейчас наши люди работают, так что

без проблем уберем... Заявочка ваша принята, ожидайте... И еще минуточку, это между нами, нам для отчета... скажите, пожалуйста, вы кто? Гхм... что-то мы таких не помним среди конкурсов... Жена? Чья жена? А-а, да-да, вчера его разрывными в голо... ох, простите. Да-да, заявочка ваша принята... Ожидайте. Всего хорошего. Иду, девки, иду, сейчас, последний звонок... О-ох, я сегодня с голоду подохну... Алло, Амик? Ты сейчас на объекте? Оч-чень хорошо, как раз кстати... заявочку прими...

2012 г.

Удачный сюжет

– Вы, значит, писатель?

Вздрагиваю. Можно подумать, у меня на лбу написано, что я писатель. Может, и правда написано. Может, и правда есть у меня что-то такое на лице... что каждый прохожимец во мне писателя видит.

– Ну... вроде того.

– Вроде или писатель?

– Писатель...

Хочу добавить – вроде, не добавляю.

– Вот и отлично... а то знаете, развелось тут всяких...

– Да не говорите.

– А разрешите я вам идею одну для романа подкину?

Обреченно сжимаю зубы.

– Р-разрешаю.

Один черт делать нечего, до рейса еще сидеть и сидеть...

– Ну, вот... слышали, что возле больших звезд пространство-время искривляются? Яма такая получается, только не в трех измерениях, а в четырех?

– М-м-м... слышал такое.

– И чем больше звезда, тем больше искривляются, так? Яма глубже становится?

– Ну...

– А возле черной дыры пространство-время в бездну про-

валивается...

Вежливо киваю. Ну-ну, прочитай мне курс физики, прочитай, все равно делать нечего...

– Не бойтесь, курс физики читать не буду. Так вы смотрите... а что, если где-нибудь в этой бездне дно сделать, перегородку какую-нибудь, и спрятать там... ну, скажем, пиратский клад спрятать?

– М-м-м... интересно.

– Вот. В дыре какой-нибудь... Ну, например, в Моране. Есть такой черный карлик, Морана называется...

– Ага.

– А потом пираты поумирили все, так никто за сокровищами и не вернулся... один пират остался, старый уже, куда ему за сокровищами-то... И вот рассказал он про эту дыру человеку одному... например, успешному писателю.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы писатель до сокровищ добрался... ну и старику перепадет чего-нибудь...

– Гхм... интересно.

– Так берете сюжет?

– Беру. Только это... – делаю вид, что задумываюсь, – материалчик где-нибудь надо собрать, на место слетать, черную дыру посмотреть эту самую... вблизи...

Старичок наиграно хмурится.

– Дороговато будет.

– Да ничего. Искусство требует жертв.

Старичок смотрит на меня. Недоверчиво.

– Так по рукам?

– Так по рукам... стойте, дайте билет поменяю... это мне сейчас домой надо... экспедицию организовать, дело-то нешуточное...

– А вы писатель?

Вот так. Началось. Да писатель я, писатель, успокойтесь. Может, вам автограф или еще чего?

– А хотите, я вам сюжетец подкину?

С ненавистью смотрю на человека, что ты меня задержи-
ваешь, взлетать пора...

– Ну... подкиньте.

– А вот смотрите. Вот некий человек узнал, что в черной дыре пираты спрятали клад...

– Интересно.

– Ну и вот... и человек этот экспедицию отправляет. Золотишко достать.

– Ну.

– Только он не учел, что про золотишко еще кое-кто про-
нюхал. И этот кое-кто дождется, пока человек из черной ды-
ры, из бездны золото вытащит... и у него заберет.

– Пусть только попробует.

– А чего попробует, у него вооружение получше будет...

– Чего получше, искатель сокровищ тоже не вчера родился... его один добрый человек предупредил, так он воору-

женный прибыл...

– Хороший сюжет, верно? – мой собеседник подмигивает, – ну главный герой же и про доброго человека не забыл, поделился с ним, верно?

– Верно. И жили они все долго и счастливо...

– А вы значит... – штурман испытующе смотрит на меня.

Киваю:

– Писатель.

– Это интересно... У меня сын тоже писать пытается...

Сжимаю зубы. Так, счас начнется, а может, почитаете, а может, издадите пацана моего...

Тьфу.

– А хотите я вам сюжетец подкину?

Хочу сказать – не хочу, вместо этого киваю:

– Давайте.

– Вот смотрите... вот летим мы к черной дыре... Морана, называется...

– Ну.

– Вот мы там со дна сокровища вытащим...

– Вытащим.

– А дно двойное. Там в бездне еще одно дно сделали...

– Кто сделал?

– Кто-то... до нас. До людей еще. И тоже что-то спрятал...

и этот кто-то за этим чем-то как раз в это время вернулся. И людишек, которые за сокровищами за своими приперлись,

ЭТОТ КТО-ТО ТОГО... СНИЧТОЖИЛ.

– Интересно. А потом оказалось, что там еще дно, и еще дно, и еще кто-то за своим сокровищами пришел...

– Это мы уже в дешевую пародию скатываемся.

– Точно. Это для какой-нибудь комедии оставим. Достаточно, чтобы кто-нибудь один большой и сильный из отжившей свое цивилизации к черной дыре приперся...

– Верно. Только вы смотрите... – штурман прищуривается, – он же всех искателей сокровищ... под корень сничтожит.

– Сничтожит.

– Нехорошо как-то получится... все герои погибают.

– Ну... а пусть они не погибают. Пусть на корабле штурман окажется, который узнает, что к черной дыре приближается это... из прошлых цивилизаций. Только вот как он узнал...

– Радиосигнал поймал.

– Верно.

– И корабль назад заворачивает, – кивает штурман, – так. Да?

– Не...

Штурман бледнеет.

– Как не?

– Так. Я придумал, чем историю закончить... Главный герой, который экспедицию организовал...

– Ну?

– Он и есть этот... представитель давно погибшей цивилизации. Под человека замаскировался.

Штурман хмурится.

– Ой... сложно как-то получилось.

– Ну что делать... – пожимаю плечами, – жизнь, она сложнее выдумки всякой...

Иду к выходу из отсека, штурман шарахается у меня с дороги. Киваю:

– Не бойтесь, не бойтесь, я людей не ем... что там в человеке есть-то, железа хрен да маленько...

– А то, может... коку сказать, чтобы железа вам какого приготовил?

Чувствую, что смущаюсь.

– Да что вы... всю жизнь сам себя кормил... еще столько прокормлю...

– Ну что вы, что вы... у людей положено так... гостя дорогого накормить... такой вот сюжет будет... пришелец под видом человека на корабле летит... а люди его встречают... угощают... людям же перепадет кой-чего из сокровищ-то, верно?

2016 г.

Как обойти друг друга

Мне надо в банк.

Разворачиваюсь, иду по ули...

Стоп, в какой банк, почему в банк, отродясь мне не надо было ни в какой банк, я вообще на работу шел, а работаю я...

А где я работаю?

Работаю же я где-то. Не в банке. Вот это я точно помню, что не в банке, а в... вылетело же, вылетело из головы, пытаюсь вспомнить, воспоминание ускользает, только его и видели.

Делать нечего, иду в банк, вернее, не я иду, что-то другое меня ведет, что-то другое внутри меня гонит меня в банк. Вот так оно и начинается, то самое, про что спрашивают люди в белых халатах, а бывает у вас такое, что как будто кто-то вам в голову мысли чужие вкладывает, кто-то вами управляет...

Вот оно.

Бывает.

Вот и банк, сбоку, сбоку, почему я говорю – сбоку, есть же какие-то слова, чтобы назвать сбоку с одной стороны и сбоку с другой стороны, только не помню, не помню, хоть убейте, не помню, вертятся на языке, а не ловятся... и надо идти в банк, который сбоку, сбоку, а для этого повернуться надо, вспомнить бы еще, как это, – повернуться.

Не вспоминается.

Что-то приотпускает меня. Начинаю думать, чер-р-рт, наслаждение какое – думать, самому думать, безо всяких там... которые...

Поворачиваю. Вправо. Пробую слово на языке – впра-во. Пробую...

Слово исчезает, теряется в памяти.

Иду в банк, поднимаюсь по ступенькам, и дальше, к хранилищу, какая-то часть меня еще пытается протестовать, тщетно, иду к хранилищу, человек в форме преграждает мне путь, смотрит, как на психа.

– А пропуск ваш?

Даже не успеваю сказать, что нет у меня никакого пропуска, и вообще сам не понимаю, какого я тут делаю. Что-то происходит, что-то отпускает меня. Охранник вздрагивает, бледнеет, я вижу, как сужаются его зрачки, ага, вот оно, теперь его прихватило...

Он идет в хранилище, как-то странно идет, по прямой, по прямой, еле передвигает ноги...

Наконец-то вспоминаю, где я работаю.

Швыряю охранника на пол, защелкиваю наручники на его широченных запястьях.

– Вы аресто...

Что-то снова перекидывается на меня. Спыхватываюсь, что я здесь делаю, что делаю, а вот, конечно, я же в хранилище шел, точно, в хранилище, только я его не открою, надо

ключи у охранника взять, вот они, родимые...

– ...лучше?

Сознание возвращается. Смотрю на шефа, стоп, на какого еще шефа, да как на какого, на своего шефа и смотрю, у меня же шеф есть, в полиции, вот теперь вспомнил, в полиции работаю, не где-нибудь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.